

Tul_06_07_1

10.07.2006. Тульчин.

Инф.: Полина Яковлевна Мураховская, 1943 г.р., Печоры. (ПМ)

Соб.: Н. Евсеенко (НЕ), А. Кушкова (АК)

(время звучания: 1 ч. 58 мин.)

(расшифровка: А. Кушкова)

(рассказывает, как белит дом)

(видимо, показывает газету)

ПМ: ...это то, что я сделала людей праведниками при жизни.

АК: Да?

ПМ: Да, четыре человека я сделала... я с Ритой не разговариваю. За то, что я сделала их праведниками Украины, и за то, что мне Левитам... Левитас прислал.. прислал сюда грам.. эти, док... дипломы, и я поехала – кстати, в газете, вот, есть.. в этой еврейской газете, я там немножко им написала письмо, что я отчиталась перед ним. Перед Левитасом. А мне уже это..

АК: Левитас – это.. это в Америке, да?

ПМ: Да...да...да. А он мне.. а он взял и немножко письма написал, потому что (смеется)

АК: Ну-ка, ну-ка, это интересно посмотреть.

ПМ: Вот, я ездила с это... с мэром города, с этим.. вот моя статья одна про узников (показывает)...

АК: Ой, это – Валентина Бенционовна! Конечно! Да-да, она живет в том же доме, где и Фрида.. Исааковна.

ПМ: Я только.. с Фриды тоже ж писала. Я ж тогда передАла этой.. как его? Она была, это... Ашурова.. Она что, сейчас есть?

АК: Кто?

ПМ: Ну, что повариха у вас была.

НЕ: Нет-нет..

АК: Лея, Лея...

ПМ: Она звонила, кстати – это она мне сказала, что кто-то должен приехать.

АК: Да? А она в Балте сейчас.

ПМ: Она в Балте. Она сказала, что мы в Балте будем, так куда-то собралась...

АК: А мы вчетвером из Балты приехали, просто проведать вас.

ПМ: Она мне сказала, что кто-то заедет к Вам, это самое... А сегодня мне уже пришла.. Люба ж, убирает, вот.. она немножко помогла (о том, как устала делать ремонт).

АК: А Вы нашли, значит, праведников..

ПМ: Я вам ксэроксы дам, если хотите. Может, ей передадите.

АК: С удовольствием.

ПМ: Моих вещей там у Леи очень много..

АК: (читает) Ага, вот-вот, Марчаки, да, это украинцы?

ПМ: Да, да. В общем, 4 диплома. И 4 диплома, и это на 9-е мая, и я ехала с мэром города, это у нас новый мэр города, и с заместителем, и спонсор был там еврей у нас один, и мы ехали – поздравили. Чего я долж.. я не.. я лично добилась эти дипломы. Ну, так вот я говорю: я про них писала, потом.. это... я звонила Левитасу несколько раз, как быть, как.. Он мне сказал – идти куда, что делать, выслал мне документы, чтоб я оформила, чтоб я ходила.. в Белый Дом, всё оформляла. Чего я должна отдавать Рите?

АК: А она...

ПМ: После всего она будет хор... всё.. почему я ей не принесла эти дипломы, и это вот самое, чтоб она раздала?

АК: То есть, что это она должна была..

ПМ: Она на меня напала – 9-го мая, имела... если б Левитас знал! Он же ко мне очень хорошо относится. Я 9-го мая нарядилась, пошла, ну, думаю, всё-таки поздравлю, все узники там сидят, инвалиды войны, ну, я как тоже дитя войны, там все сидим мы, празднование. Я подхожу, всех поздравляю, Печерскую, и Валю, всех, вот, подхожу к ней, говорю: «Риточка...» – а тем более, что мы еще родственники.

АК: Да?!? Вы с Ритой...

ПМ: Мой двоюродный брат – ее муж. Короче – стыдно, стыдно говорить, стыдно говорить. И они у нас находились, до того, как они поженились, так этот Изя у нас находился, ее муж. Это ж племянник мамы, а она тоже у нас одно время находилась у нас. Это за всё спасибо. Просто удивительно.. мне стыдно даже...

АК: Так она хотела, чтобы Вы ей отдали дипломы, чтобы она их вручала, да?

ПМ: Да. Ну, это ж будет 70 лет через месяц где-то, 15-го августа, так она же хочет получить орден! Она мечтает.. она уже получила, кстати...

АК: Какой?

ПМ: За что? За что? Никого не подпускает к кладбищу, там это то же самое.. Мне звонит историк один, он занимает.. там же нашли цадиков, там что-то нашли, еще, кстати, Миша, вот, должен приехать этими днями с Ярославля, он мне уже звонил. Он должен приехать и посмотреть.

АК: Это сын Ваш, да?

ПМ: Да, старший, шо... в Ярославле. Тот, шо в Киеве жил. Так они сейчас в Киеве – они сейчас с женой в Киеве, она сдает сессию там шо-то. Так они же ?.. он там всё пересмотрят, потому что тот.. он украинец, и он не понимает по ивриту, да, он не понимает же, они же будут читать, шо там это самое.

АК: А это какой историк?

ПМ: Старое кладбище и здесь. Они сейчас расчистили, сейчас очень много денег дали на это старое кладбище, это внизу – это.. наверху, может, вы были?

АК: Мы не были еще там... то есть, нет, наверху мы были, а вот мы не видели, что там...

ПМ: А внизу там сейчас расчистили, там очень много.. с Израиля приехали, денег дали, да, там расчистили...

АК: Израильтяне денег дали?

ПМ: Да, да. И там расчистили, и там какой-то.. мне Миша говорил, кто-то, я не знаю, кто, в общем, и там нашли внука Бал-Шем-Това.

АК: Дааа?

ПМ: Внука. И дети жили здесь в Тульчине тоже. Так это сейчас еще должны искать этих детей, там.. какого-то раввина крупного нашли тоже. Вот, это мне историк говорил...

АК: Потомка, да, нашли вот этого?

ПМ: Здесь нашли, да.

АК: Живого? Который еще...? Живого человека, раввина?

ПМ: Нееет, там похоронен на кладбище – ну куда, такие года, тыща восемьсот... какого-то...

АК: Нет-нет, я поняла, что... ну, понятно.

ПМ: Вот.. там нашли. А.. как старожилы помнят, говорят, что там.. что здесь были дети еще его. Этот, шо с Меджибожа, как его? Этот, да? Вот, так это.. так Миша говорит: «Мама, там должны они быть».

АК: Похоронены?

ПМ: Ну, когда дети были здесь, мы там были, там невозможно было пройти, там это старое кладбище – ему уже 400 с чем-то лет. Том.. старом.. 1600.. он мне.. каком-то году сказал, историк... 1617 год, нашли там. 1617-й – 1654-й. Очень старые захоронения. То там это самое.. когда Миша был с Яшей, так на.. мы нашли, там, коэнов этих – ну, этих... потом нашли какую-то корону, так дети шо-то там не могли разобраться, потому что сильно это са... сейчас там расчистили, раз там сейчас... порядок, то там можно что-то прочесть, уже шо-то узнать. Но этот историк, он же.. он сильнейший историк. Но он не понимает, поэтому – когда Ваши дети будут? Миша должен приехать. Так уже позвонят – когда Миша будет, они уже пойдут вместе, там найдут, шо там есть. Так она на этого историка напала – «Шо ты вмешиваешься? Я! Я!» Она заведует, значит – в Печоры она не подпускает никого, она заведует этими кладбищами, никого не подпускает, и это... Я же нашла этих праведников! Извините меня! Кстати, у меня один диплом есть, испорченный – так я оставила его на память уже (смеется).

АК: А покажите, а как они выглядят?

ПМ: Говорю: «Дайте мне новые дипломы...» Я им позвонила, и они мне.. а потом я выступила по радио, вот это весь (неразб.) на всё.

АК: А, понятно.

ПМ: Так это так получилось – в газете была статья, не в этой, у меня есть там про праведников в «Иерусалимке». А статья.. на второй день я, значить, всем поздравляю, на третий день я по радио говорю. И ее взбесило, то ли она.. аж... это самое – завидует, то ли шо. Я.. и она боялась, шо ей кто-то подсказал, шо я ее место заберу. Не нужно мне ее председательство! И это 9-го подхожу – «Вон от меня!» – она как... вы не представляете! В жизни, за 60 с чем-то лет меня никто не оскорбил так, как она. «Вон!

Отойди от меня! Я знать тебя..!» Я остолбе... я такая нарядная была, такая в Печёрском (?) была.. у меня не такой волосы, это сейчас покрасилась, у меня был другой цвет. Привела себя в пор.. пошла, с людьми.. Боже! А я.. у меня сердце, порок сердца. И люди удивляются, как я там не упала и не потеряла сознание. Все были в ужасе. Но наши евреи остаются евреями. Всё.. тихо. Но там дальше слышала.. завуч ветеринарной школы, несколько учителей стояло, а одна со мной в «Обереге», ну, это там, где мы пишем это самое, с... Она говорит: «Полина Яковлевна, шо это такое?» А у меня слёзы. Слёзы.. меня никто никогда так не обижал. Как собаку, хуже собаку.. как.. я вообще не знаю, как это объяснить. И я еще не знала причины! Я не знала, что же.. что же.. как же.. я делаю добро, да? Какую же я подлость сделала? Я ж.. я столько звоню к этому Левитасу, сколько мне денег стоит под(?) это ж каждый раз звонки.. это ж каж.. мне кто-то что-то возр.. они мне ж.. 100 грамм конфет бы занесли. Что-то сорвалось (неразб.) И эта вот.. и эта женщина: «Полина Яковлевна, шо там такэ? Шо Вы плачете?» Нач.. (усмехается) во весь голос: «Начальница! (?) (усмехается) Кто она такая... сидит? Она пуп земли?!? Сегодня она председатель, завтра Вы будете председателем!» (смеется). Тоже она что-то такое сказанула. И таким образом – а все оглянулись, и таким образом она меня немножко привела.. я не соображала, шо со мной. Честно.. а я купила цветы, думаю, пойду, там.. там же стоят эти вот.. мемориал, а там же отец у меня погиб на фронте, я и думаю – поставлю, там.. там его брат лежит тоже, ну, это просто (неразб.) Поставить цветочки.. боже, я уже шла, я не видела света белого, встретила, там, знакомых – Мусика Геккера и Болотина – «Шо такэ?».. «Шо такое стря...» А – так и так.. Ну ж ско.. ты же знаешь ее... и родные! Родные! Так ко мне чужие лучше относятся, ко мне чужие лучше относятся – вот сегодня уже звонков сколько было, а евреи.. которые звонят ко мне – как там, шо ты, как ты там? Зная о том, что я больной человек. Спроси! Я ж одинокая, ты же.. меня ж никого здесь нет! Кто в Израиль выехал, кто в.. Германию. Спроси хоть – «Поля, ты живая?» Это ж двоюродный брат! Он подо... (неразб.) Всё – это через 2 дня мне принесит посылку эту Люба..

АК: А, Вам приносят посылки оттуда, да?

ПМ: Раньше я шла – а тут она мне не звонит, ничего. И Люба приносит, сказала: «Так, Рита не хочет Вас видеть». Я говорю: «Ты передай ей, что я ее еще больше не хочу видеть!» И вы прекрасно сейчас... в шабат... «Шабат! Шабат! Шабат!».. я говорю: «Зачем мне этот шабат? Я когда-то спросила, я говорю: «Девочки, почему вы ходите в этих шортах на шабат?» Это раввинша ходит в шортах на шабат!!! Это Соня эта, Гольфель.

АК: Разве она в шортах...?

ПМ: «В чем-то.. как? В чем...» Я говорю: «Почему не одеть кос... платочек?» Я когда-то сам... Как, в чем ходить? А (?), в том и идут. Это в прогресси... Я говорю: «До свидания».. Я у себя дома, стелю скатерть, красиво, молюсь, как положено. Так это самое книги дети при.. у меня еще мезуза, это мне Миша приехал, ? мезузу (показывает).

АК: Угу. Можно, я посмотрю?

ПМ: Пожалуйста!

НЕ: А они там как.. то есть, это как – раввинша ходит..

ПМ: У меня раввин в Ярославле, Миша.

НЕ: Не, я понимаю – а вот здесь.. в смысле в шортах.. женщина?

ПМ: К нам ходит.. нам же помогает женщина. С общины.

НЕ: Нет-нет-нет, Вы про шабат сказали, что..

ПМ: А! Да! Софа.. Гольфель Софа. Гольфель. Да. Так я...

НЕ: Так а что, женщина может быть раввином?

ПМ: Она сама ходит в брюках, в шортах. И Рита ходит в шортах, в белых – еще в белых!

АК: Рита в белых шортах...???

ПМ: Я говорю: «Девочки...» ну, я просто.. я очень справедливая, я.. не то, что я хва... «В таком виде, вы извините, конечно...» Я очень справедливый человек. И очень прямой человек. И я подошла и говорю: «Это же все-таки храм! Вы мне скажите, в любой храм, польский.. и в это.. в православный, заходят ли без плат.. косыночки? Ну, так, скажите мне! Нет, надо обязательно идти с покрытой головой». Так? Прав.. Кто как хочет приходит.. я говорю: «Это что такое?» – «Кто как хочет, так пусть ходит». Всё. Услышала такое. Зачем.. зачем мне этот шабат? Я им.. с Мишей перезвонилась, и Яшей вчера (?) тоже звонил, Яша се.. кстати, Яша завтра день рождения.

АК: О!

НЕ: Мы Вас поздравляем.

ПМ: Звонил с Америки. Да. И он мне говорит: «Мама, зачем это тебе надо? Ты же сама знаешь, как, всё, соблюдаешь, как положено – ну зачем тебе надо это...??!» Эти.. один выпивает с горла это.. вино, другой.. ну, противно! Я говорю, ну..

НЕ: Прямо из горлышка пьют, что ли?

ПМ: Да, да. Там собираются такие, шо... Ну, зачем оно мне.. дело не в этом, я ходила, просто, думаю, так, среди людей побыть, участвовать – всё равно дома молилась, всё равно..

АК: Скажите, а она официально..

ПМ: А когда она мне так сказанула, шо кто в чем хочет, так я говорю, так можно даже, извините за выражение, даже голой придти? Ну, так оно выходит! Как.. умирает, там, женщина, я говорю, так как у евреев заведено, обувь в это.. правильно? Не заведено же в гроб это вот.. вообще.. шо мужчина, шо... Шо я получила! «Ты не будешь указывать! Всё – ставьте обувь и (незарб.)» Я просто.. я нич.. я не рвусь, к этой.. а, еще шо они... «А! Ты рвешься в Белый Дом!» Значить, я рвусь к власти в Белый.. раз я пишу в... Я говорю: «Я просто пишу. Я нашла праведников – это счастье большое, сейчас, в данный момент, найти...» Кстати, есть... я покажу... я нашла три.. два посмертно, уже три, они уже все умерли, да, но целая семья праведник. И тут одна праведница, ей 94 года.

АК: Вот, Анастасия...

ПМ: Да, 94 года, вот я говорю.. вчера ее старшая дочка была здесь. Я уже ей сделала, она уже будет получать, всё. Один раз я ей привожу праведницу, лет несколько там... ну, я занес.. завела ее туда в «Тульчинку». Одна женщина, Бириченко Аня. Боже – у меня даже записано, как... как они спасались... ну, зачем так? Ну кто так делает? Прихожу – с этой.. с этой Аней, так и так, да? Как она сорвалась как с цепи! Напала на меня, что я ее привела, напала на эту женщину, эта женщина вышла со слезами на глазах, она говорит: «Бильше не хочу, я не праведник» – они же очень скромные люди, эти люди, которые сделали такое добро, они очень (неразб.) скромные люди. (неразб.) Они очень ск.. Как это так можно? Они же во время войны такой подвиг совершили! Ну, как так можно? Всё. Так чё ж должна после всего тебе носить – ну, извини меня! Тем более, что мне президент выслал эти.. сказал: «Полина..., – он вручил мне, – Полина Яковлевна, я Вам прошу – Вы это сделали, Вы это оформили, пожалуйста, займитесь этим вопросом». Он думал, что я раздам – но это ж некрасиво. Я пошла в Белый Дом, поговорила с этим.. през... мэром нашим, говорю – так и так, давайте как-то красиво сделаем, организуем, поздравим! И мы так и сделали – спонсор был, купили подарки им, это ж была радость для людей, это ж была большая радость. Ну? Они меня боготворят сейчас, эти люди. И тут такое.. такое.. такое имею от этой Риты. Ну? Это не то слово. И ч.. хоть бы один раз в общине сказала... мои песни, вот, кстати, была Ивана Купала, и мои песни исполняли, «Волушки» (?), у меня есть «Волушки» песня. Они исполняли эту песню на Ивана Ку.. в доме культуры.. Я не хвалюсь, еще раз..

НЕ: Ну, конечно...

ПМ: Я не хвалюсь, в Культпросвете, ветеринарки, уже в Виннице пели, уже получили эти вот, шо поют, они получили уже диплом как лауреаты.

НЕ, АК: Угу.

ПМ: Они мне звонили и говорили, что они были где-то в Ялте, где-то там что-то такое, и мы получили диплом лауреатов за Вашу песню (ударяет ладонью по столу). Но поют бесподобно – это трио, они бесподобно поют. (понижает голос) Ни один раз.. она не сказала, что у нас.. мы должны гордиться, у нас есть такой человек, который занимается.. во-первых, я пишу... «Субботние свечи» какую написала песню, да?

АК: Да?

ПМ: Да. Даже в газете, в «Иерус...», в этой.. в «Иерусалимке» здесь была – «Субботние свечи». Ах... «Торжественно, таинственно и строго // Царица дней, суббота, наступает // И женщина еврейская с любовью // Под вечер тихо свечи зажигает. // Подходит вечер, мерцают свечи, // И сотни лет горят они – // Субботние еврейские огни // Стекает ле.. стекает воск... стекает воск...» э.. сейчас... так вот, пом... вот вишь, спуталась... Ну, есть у меня такая.. стих...

АК: Очень красиво! Вот эти два куплета...!

НЕ: Да!

ПМ: Да... «Стекает воск...» Я вам дам сейчас ксэрокс я вам сейчас дам.

АК: Ой, спасибо!

ПМ: Э.. «Гор.. гор... Стекает воск.. что-то... на подсвечник э.. да, и эта женщина, в общем, ей.. ша... подожди... вот она.. окутана шалью, ай... висят монеты, милосердные цдАки. Горят субботние мерцающие свечи // Какая нежность, чистота святая, // И женщина в молитве тихо шепчет // Всем просить мира и земного рая».

АК: Здорово!

НЕ: Здорово!

ПМ: А почему не петь там на шабате? В Германии поют эту песню! В Америке поют на шабатах эти песни, мне звонит моя племянница – в Израиле звоню.. поют эту песню. Почему не петь здесь? Да. Почему-то всякую гадость читаешь, а хоть раз сказать: «Вот, Полина написала...» Там же не все получают эту газету, не все.

АК: Не все, да?

ПМ: Нееет! Это не все, это кто выписал. Я выписала, это ж такое дело.. очень хорошая газета, она дешевая.. я сейчас, кстати, выписала 15 человек. Я сейчас вы... ну, представ... там – украинцы, поляки, евреи, русские, татарка у меня даже есть. Они приходят ко мне, читают – понравилось, это.. я уже послала 15 человек, а мне позвонил президент этого... тас(?), говорит: «Полина Яковлевна, может, кто-то выпишет газету?» – Я говорю: «Пожалуйста, я уже выслала 15 человек». А еще.. в субботу еще выписала несколько человек вот у меня есть еще.. Почему не сказать... не организовать э... сказать, «Давайте!...» Это же очень дешевая – 4.. 6 с чем-то она стоит на весь год. Почему не сказать: «Давайте, люди, выпишем газету, это ж интересно читать» – Не, она получает, Соня, я, там, два-три человека всего. Интересно, это очень интересная газета, вообще очень хорошая вещь. Даже вот взяла... эта вот, завуч у меня, вот это ксэрокс сняла про Некрасова, и еще одна учительница сняла. Очень, очень тут... очень интересно. «Стекает воск слезою на подсвечник // Какая нежность, чистота святая // И женщина молив..» А, не! «Горят... э... одета в шаль...» Даже в этом.. даже в этой песне я пишу, что шаль окутывает плечи, и блестят монеты, и даже, вот, надо ж там сделать тоже, можно так, чтоб каждый что-то дал, да? На шабат, чтоб положил цдАку.

АК: А там нету этого?

ПМ: Там она только сплетнями заним... я.. я рада, что я сейчас с ней не это самое. «Поля, что ты сказала, что там посылки были?», «Поля, что ты сказала, что...?» Что это такое? Я говорю: «Я сижу дома, я пишу, я никого не.. я занята – у меня бывают заскоки, я пишу, да? Чтоб (?) заскоки такие. Ну.. никого ни с кем – я могу только хорошее подсказать – все звонят, что-то надо узнать, и звонят ко мне! У меня справочное бюро! (смеется). Я говорю: «Так, звоните напрямую к Рите» – она обижается, что ко мне все.. «Напрямую к ней – Вам что-то надо узнать?» После всего, так это самое... так.. шо она.. я не могу понять? Она боится, что я заберу ее.. должность?

Мне ее должность вообще не нужна. Она мне не нужна. Я себе занимаюсь своим этим делом, я в «Обереге»... у меня вот столько (?) работы, то на вечера, туда-то, то по радио... передают тут.. (неразб.) Шо ты хочешь забрать? Шо ты меня унижаешь? В грязь втоптать, в грязь. Только униж.. ни разу не сказать, шо у нас в общине такой человек! А? Уже все украинцы в ужасе, в ужасе! Мне говорят: «Боже ж, да если б у нас такая была...» – вот подходят к ней и говорят.

АК: К ней, да?

ПМ: Да. Вот вчера мне звонила одна, говорить, я к ней подошла. «Чего ты, – говорит, – напала на нее? Ну с какой стати ты на нее напала?!? Шо она хорошо пишет, кто-то говорит, песня была... позавч.. позавчера, – говорит, – так исполняли, так всё.. Шо ты напала?» – «А она заслуживает!» Не знаю, что заслуживает. Не знаю.. Это не то, шо... но мне настолько обидно, это уже.. это было в начале мая, представьте себе, и это два месяца, у меня такая обида. Дети у меня говорят: «Мама, не обращай внимания», как-то они с.. но... ни за что. Извините, что я вам такое наговорила.. что вас интересует, правда, что вас такое..?

21.15.

АК: А вот как...?

ПМ: У нас 4 праведника, вот это я могу вам показать даже дипломы...

АК: А покажите, вот, интересно, как эти дипломы выглядят.

ПМ: Покажу сейчас этот диплом.. это самое... ну, там неправильно было написано, то я перезвонила...

АК: Ну, главное – посмотреть, как это выглядит...

ПМ: ...это уже мне осталось.. это, вот, мне на память...

АК: Спасибо.

ПМ: Сейчас (встает)

НЕ:

АК: (читает) «Еврейская рада Украина, Фонд памяти жертв фашизма в Украине». «Праведник Украины». А «м» что такое? «М. Киев»?

ПМ: Киев. Мисто Киев.

АК: А, мисто.. город, ну да. «Еврейская рада Украина, Фонд памяти жертв фашизма в Украине. Марчак Ольга Степановна и Марчак Феодосия Павловна. Присвоено почетное звание – всё по-украински – «праведник Украины». Посм.. а, «посмертно», да? То есть, есть.. это уже напечатано заранее, то есть, есть и посмертные, и для живых?

ПМ: Да, они там ошиблись, там... не написали одну вещь, так я попросила, шоб...

АК: Ага.. «Мы высоко ценимо подвиг и...» а прочитайте Вы, пожалуйста, по-украински!

ПМ: Что, не можете читать, да?

АК: Не, ну.. трудно.

ПМ: Я очки возьму.. «Мы высоко ценимо подвиг и складаемо... складаемо вичну подяку за тэ, шо в лихи часы минувий вийны ви виявили християнске милосэрдие та доброту, и низважаючэ на риск втрытыты

властны життя та жяття своей родыны рятувалы еврээв, яки буллы приречэны на захибель. Еврейский народ никола не забудэт цей благородный вчинок и будэ пэрэдаваты имя праведника из поколиння в поколинне, як приход високой людымости та злагоды мэж нашими народами. Прэзидэнт еврейской рады Украины, глава Фонда памяти жертв фашизму – Левитас».

АК: Это праведник Украины, да? А вот «праведник мира» это уже..

ПМ: Праведник мира это другое званье, это.. Праведник Украины это значит, если, там, спасали, вот, одна семья, значит, они спасли дочку и мать. Вторые спасли тоже дочку и мать. Если праведник уже того.. то они спасают уже одну-две семьи.

АК: А, то есть, это по количеству, да, вот, считается?

ПМ: Да, да, конечно, конечно. Два с половиной ме.. два с половиной года держать людей, прятать, а?

АК: Да...

ПМ: А потом.. Так что же сделала я такого плохого? Найти праведника в наше время! Это не то сло.. Есть, вот, одна у меня праведница, она сейчас была у меня тоже. И тут есть еще живой он, еврей. И уже Левитас знает об этом, и он уже ему звонил, и он не хочет, чтоб ее сделать праведником Украины. Этот человек.

АК: Почему?

ПМ: Непонятно!

НЕ: То есть, она его спасла, а он сейчас отказывается это признавать, или как?

ПМ: Я не могу поня.. они сп.. как спасли, ну, ее мать – вот это, сейчас буду писать вот эту статью – я уже писала об еврейских вестях раньше – но я просто писала село праведников, есть тут село.. это самое... как называется? Э... Бо.. не, Богдановки тоже есть... село.. Холодивка, Холодивка.

АК: Целое село праведников?

ПМ: Да, значить, целое село праведников. Вот Тарасовка есть такое тоже целое село праведников. И я писала про этих людей, кстати, про это – как спасли его. Но.. немного написала. А сейчас, значит, она была уже, я говорю: «Люба, давай уже напишем, вот..» – «Ой, не хочу з Риты иматы...» – «Все не хотят з Риты иматы...». Я говорю – извините.. при чем тут...

АК: Что не хотят зри...?

ПМ: З Ритой иматы дило. Что она на них нападала, шо...

АК: А!

ПМ: «Вы же спасали!»

АК: Конечно!

ПМ: Это ж была правда. Это ж доказательство, тем более, шо он живой есть здесь! И он всегда, когда мы работали, на работе, на обувной, он всегда говорил: «От, Люба, як бы не Вы, значить, меня бы на свете не было». Сейчас он отрекается.

АК: Может, он из ума уже выжил?

ПМ: Такого случая еще не было у меня.

АК: Никогда...?

ПМ: У меня вот евреи даже.. с Израиля я получила письмо, шо действительно ты права, шо действительно таки мою мать и сестру спасли. У меня еще такого случая не было. Ну, я написала президенту, и дала адрес того... Пети, Гольфель-то, Сонин муж. Шо она раввинша у нас стала.

АК: Это он не хочет, чтобы признавали, ее муж?

ПМ: Не хочет.

АК: Ах, это муж Сони.. Софьи Иосифовны???

ПМ: А как же! Его спасли! Это только подумать! Это страшно! Волосы дыбом! Как они его спасли. Вы не были у него еще?

НЕ: Нет еще.

ПМ: Он узник был. Он.. в лагере, а потом, значить, ему было лет 8, 7 где-то, мама бежала с лагеря. И она зашла.. ну, просить – они же ходили просить. И она зашла в Холодовку, значить, туда, с этим Пе.. а Петя был очень больной, у него на ногах появились струпья. Вот. И она.. он же.. не ходил. Он не ходил уже. И она его несла на это самое, и боится ж немцев, боится всё. И она зашла в эту хату, к этой Нагорной (?), значит, (неразб.), и говорит: «Спасите! Спасите!» Боже, тут же немцы, тут же сейчас это самое, сейчас же такое будет, ты шо, сейчас же увидят, не (неразб.). Она говорит: «Я спрячусь здесь, но сына вы мне спасите. У меня единственный сын». И эта баба берет, а там печка, значит, тогда знаете, такие лежанками, такие русские эти печки еще тогда были.. и она берет там.. кидает его туда, и закрывает рядом и соломой. И тут – полицаи. А женщину ту она спрятала в другом месте, там, называется... там, где сено, короче говоря. И когда.. и когда они вошли полицаи, они тут же вошли – «Юдка, юдка, юдка...» – «Не була, не дивится, шукайте..» – всё, они высматривают, а это Люба, ей было тоже лет 8-9, она сидела на печи, там, на припечку таком, она всё видела. Всё видела.. И когда.. нету, всё, и полицаи ушли. И она зашла и.. мама.. и говорила: «Боже, спасибо Вам, Вы спасли мне сына». После всего этого баба оставляет его, она начинает.. она оставляет эту женщину, она находит какие-то мази, ходит до какой-то бабки, и спасает этого мальчика. Несколько дней они пробыли у нее. Пока он не встал чуточку на ножки. Это же п.. это ж не то, что выдуманно. История.. сколько я пишу историй – всё правда. Эти люди – 94 года – не будут врать. У меня еще была, кстати, 95 лет, она тут недавно умерла, я буду читать про нее тоже сейчас (?) надо, писала я Левитасу, но дело в том, что она спасла трое детей, но фамилию она забыла. Я ж не мо.. где я буду искать этих людей? Вот.. и она спасла этот Пе.. а потом они уже стали, каждый раз эта женщина стала к ним домой захаживать с этим малым.. с этим мальчиком.

АК: После войны уже, да?

ПМ: Да, да. Ну, так скажите пожалуйста! Вот как это так можно? Я.. шо мои жили, праведники, шо маму мою спасали, так я бы их сейчас бы озолотила бы! Честное слово! Они умерли... к сожалению. И дочка умерла – я хотела сделать праведницей до.. а у дочки детей не было. Я бы их

обязательно сделала праведниками. Специально она ходила в село, и.. Соколец, или Торков, что-то такое было, проси.. ну, просили, они ж заходили, я ж писала целую историю. Про родителей писала, и как это всё было.. такие умерли там у меня, э.. значить, два брата и сестра, родных, умерли..

АК: Ну это очень странно – значит, вот, муж ее, которого спасли, не хочет их признавать праведниками? Я правильно вот это..

ПМ: Он сейчас болел, он сейчас лежал в больнице, и эта Люба к нему ходила.. говорю: «Как? Ну что ж ты ходила...?»

АК: Это вот девочка, которая тогда была?

ПМ: Да-да, девочка, она уже..

АК: Девятилетняя... ну, я понимаю, что она уже не девочка...

ПМ: Вот – и она.. мы все вместе работали, эта Люба, и этот Петя, и я, и всегда я помню, все помнят, все с обувной помнят, как он говорит: «Если бы не твоя мама и не ты, я бы не жил бы на свете». И так перевернуть сейчас (? неразб.)!

АК: Очень странно.

ПМ: Это просто первый случай, я..

НЕ: А чем Вы это объясняете, вот такое его странное поведение?

ПМ: Этого уж не знаю. Он что-то боится, что она, вроде, деньги получать.. Она так бедствует, эта Люба! Она такая бедная! Она такая бедная – наоборот, я спасаю этих людей.

АК: А чего ему бояться, что она будет деньги.. не его же деньги она будет получать!

ПМ: Так это с.. с его кармана!

АК: Почему с его кармана?

ПМ: Я говорю – так это с его кармана??? Они будут посылоч.. это ж большой грех ты делаешь, так же нельзя.

АК: Слушайте, а может, это как-то Рита Генеховна влияет не него?

ПМ: Так же нельзя. Это ж.. во время войны они рисковали своей жизнью и своим этим.. детьми, своей семьей!

АК: Она не могла ему чего-то сказать об этом?

ПМ: Она – спокойно. Я говорю: «Люба, ну как ты... я, – говорю, –на моем месте, он бы – не знаю...» Но я позвонила Левитасу и дала адрес. И он звонил к ним. Нет... Но я напишу статью. Я всё опишу.. пускай они – шо они мне сделают? Убьют меня в конце-концов?

НЕ: То есть, Вы вот эту ситуацию собираетесь описать, вот, сегодняшнюю, да?

ПМ: Да!

НЕ: Как он отказывается?

ПМ: Я напишу – нет, как это произошло, и напишу – это ж сейчас приближается Бабий Яр, это сейчас приближаются такие годовщины, я напишу всё это. Подробно. Я напишу – как так вот можно забыть?

АК: Может, его согласия и не надо на это? Вообще, почему его согласие надо? Он же не будет отрицать?

ПМ: Надо согласие.

АК: Да?

ПМ: Иначе не оформляют. Но я еще буду с Левитасом говорить. Я еще буду говорить – я ему позвоню этими днями... Потому что у одной-то там умерли все, и я была как свидетель. Вот сейчас, кстати, это я говорю: «Давай, Люба, мы возьмем два свидетеля, те, что с нами работали – я уже свидетель у тебя. Я слышала, как он говорил это». У одной так я сделала с двумя свидетелями, да. А вторая – дак это сын написал (неразб.) Перезвонилась с Израилем, и он мне это самое. Вот. А Лю.. а еще Рита выдумала, шо я з них дужэ богато грошей беру. Представляете? Так как написала: «Благодарю бога за то, что он дал мне такую возможность бескорыстно – я подчеркнула – помогать людям». Потому что во время войны они спасали евреев.

АК: Она считает, что Вы с праведников берете деньги, да? Или..

ПМ: Да. Как вам нравится? Старухе 94 года... мы когда поехали с мэром города, боже, она так обняла меня, поцело... «Полиночка, бачьте, яка людына у нас е» – это она ему говорит. И он уже не выдержал, тоже ее поцеловал, и говорит: «Она у нас – ценность в Тульчине». Все.. весь Тульчин при.. не хвалюся еще раз, девочки, не хва.. у нас в Тульчине нет тако.. не.. не хвалюсь. Но.. еврейская ж община должна подняться, радоваться, что есть такой человек. Я ж ничего не заканчивала, я просто сижу и пишу. Просто мне бога дал такой тал.. значит, талант. И меня интересует именно тема войны – только про этих людей и пишу всё время. Праведников вот этих, переживших концлагеря, вот.. Я, может, не так грамотно, может, пишу – во всяком случае все-таки ж пропускают через газет... во всех газетах! (усмехается). Не в одной! Вот. Я не понимаю. Просто я не понимаю.

НЕ: Ну, это действительно странная такая история... которую Вы рассказываете..

ПМ: Ну что, вы не были.. вы ж были у Вали, были у Печерской?

НЕ: Еще нет.

АК: Мы были у Фриды Исааковны.

ПМ: Фрида Исааковна, Печерская, да. Я про нее писала, я ж тоже.. по радио говорила. Вот.. и вот же..

АК: А, Валентина Бенционовна приходила, они там..

ПМ: Да, они ж подружки. Подружки. Там еще есть Олейникова, Фаня. А чего, вы не были у Фани?

АК: Фейга Вольковна?

ПМ: Ф.. Олейникова были тоже?

АК: Да, да.

ПМ: Вот – я про них всех писала. Про всех про.. Она заявила всем, что не смейте ничего рассказывать!

НЕ: Вам?

ПМ: Да. И они все-таки решили, и мне рассказали. Вот они три женщины рассказали мне все, и я уже.. прогремели они, они в музее в

Киеве, они в музее в Виннице, они в музее в Тульчине. Ну, это я уж постаралась. Так что уже дело плохое. Ну, бог видит, конечно, я... ну, то что я перед богом чиста. Я делаю доброе дело – во время войны люди.. если бы не эти люди, а? Сколько спасенных было благодаря им!

АК: А вот Софья Иосифовна она действительно раввинша, или это так просто говорится? Она..

ПМ: Раввинша она..

АК: ...училась чему-то?

ПМ: (смеется) Поставили ее раввинша, эту Софью, она..

НЕ: Поставили?

ПМ: Ну, я ж не знаю, какая она раввинша, какая она раввинша?

АК: Ну, вот, мы тоже..

НЕ: Просто странное.. сочетание такое..

АК: Так она училась где-то?

ПМ: Где она училась, ну чт..?1?

НЕ: Ну, а как так? Так же невозможно, надо ж знать...

ПМ: Я не буду подробности этого самого, я не знаю, как это делается в прогрессивном иудаизме. Я в этом не разбираюсь. Действительно, Миша у меня учился, действительно тот учился здесь, потом он в Америке в академии – действительно, действительно... для того, чтоб закончить этот.. и то еще Яша не раввин, потому что там в Америке стать раввином это не будем говорить. Там при синагоге, но он не раввин. Если б сюда приехал – конечно, да. Миша – да, они действительно учились, они действительно в ешивах, потом пошли дальше в это вот, потом... в академии, какая-то там академия, говорил Яша, ну, уехал в академию, несколько лет учился, 5 лет или 6. И до сих пор он продолжает учиться, и это ж на всю жизнь, это то, и всё. (неразб.) Шо она знает? Ей (неразб.), ей, бывает, задают вопрос, там, и она не знает, что ответить.

НЕ: А например, какие вопросы, вот...?

ПМ: Ну, по поводу.. этого всего... я не помню, какие вопросы задают ей, там.. она не знает, шо она знает. Шо она, какая она ра.. она всю жизнь проработала так, как Рита, медсестрой в этом... в поликлинике. Какая с нее раввинша может быть?

АК: А язык она знает?

ПМ: Какой язык она знает?!? На русском языке она читает.

АК: Да?

ПМ: Я ей говорю, вот, даже когда свечи зажигают, да? Что она.. нельзя же.. спичку нельзя же.. так как она вот была, поставила ее, нельзя ее за.. а она фу-фу (видимо, задувает – А.К.). Я говорю: «Рит... Соня, шо ты делаешь?» Никакой хустки не одеть, когда свечи зажигать. Не то, что я осуждаю, но я пре.. вы еще не будете в пятницу?

НЕ: Нет..

АК: Нет, мы, к сожалению, в среду уедем..

ПМ: В пятницу чтоб вы бы зашли, посмотрели, там кто-то был, кстати, вот, с ваших.. сейчас тоже...

АК: В прошлом году были, да, там девочки наши.

ПМ: Ну дак вот, не видели, что это за.. что это за это самое?

АК: А вот Рита Генеховна, она каким образом встала тогда во главе общины?

ПМ: Шо-шо?

АК: Ее выбирали вот тогда как главу общины, Риту Генеховну, да? Или она как сама себя назначила? Выбирали ее, да?

ПМ: Ее кто ее... кто Риту вообще выбирал?

АК: Да?

НЕ: А как это произошло?

ПМ: Был у нас.. был у нас председатель, которого мы выбрали, Бартик. Вот. И этот Бартик уезжал в Германию. А Рита жила там... она сейчас тут живет, а она жила здесь.. возле него рядом. Ночью она у меня надумает, что она должна кому-то дарить (???), она ночью забрала у него печать (смеется), и забрала у него все документацию, и он утром.. он сказал, что Рита, там, соберешь собрание. Он же не додумался, что она... никому ничего не отдаст. Ну, вот так она стала с.. этим. Против нее уже было несколько собраний, чтобы ее убрать.

АК: Собраний кого?

ПМ: Да. Собирались мы, чтобы ее убрать. Она собрания никакого не сделала, «Выберите меня или не выберите..» – ничего. С тех пор, что она... вот вы зайдете до Коли, я вам кстати скажу, здесь есть еще еврей, молодой парень, он всё может вам тоже рассказать чего.. Он историк сам. Вот сейчас в углу... вот в углу Тираспольский, кстати, я смогу ему позвонить...

АК: А Вы знаете, у нас был кто-то у него, по-моему...

НЕ: Вчера..

АК: Вчера, наши девочки как раз с ним разговаривали.

ПМ: Говорили уже?

АК: Да, так что мы второй раз, наверное, не пойдем, чтоб его не утомлять. Ну, вот у нас вчера они как раз с ним говорили.

ПМ: Так вот это вот.. так он.. мы собирались все, ну, тогда еще были люди – сейчас мало уже евреев, но тогда еще было больше евреев, и это.. и видные люди, и собирались, чтобы ее скинуть, за всё время ее пра.. правительства – как она уже? Лет 13, или 12, я не знаю, сколько она, может, больше, может – ни одного собрания – представляете? Ни одного. Бартик каждый месяц-два отчитывался. Ни одного собрания. «Рита, а почему ты не делаешь..?» Она делает собрания на шабате два слова какие-то сплетни соберет – всё. И всё. На этом конец. Ни одного собрания. Ты собери людей, скажи, что так и так, вот, там уголь тем людям, тем то, тем это, как-то объясни. Никто ничего не знает – кому польские посылки дают, никто не знает. Кому уголь дали – никто ничего не знает. Что она хочет, то и... Когда я президенту говорила – говорю, ш.. как это так, она председатель общины, а ее ж сын построил церкву сейчас. Он сейчас правит церковью, ее сын.

НЕ: Это как это?!?

АК: Как – церковью?

ПМ: Ее сын, Риты. Он в Заричном построил церковь...

НЕ, АК: Он что, батюшка?!?

ПМ: Батюшка.

АК: Да что Вы говорите! Крещеный?

ПМ: Ну конечно, крещеный. Он раб.. здесь сначала был в церкви, потом он здесь был.. вот тут в городе из церкви его выгнали оттуда-отсюда, и он в Заричном построил церковь. Да.

АК: Они никогда об этом не говорила.

НЕ: Она не говорила, что у нее...

ПМ: Да, да. Так это самое... так я говорила президенту.. говорю – говорю: «Может такое быть?!» – он говорит: «Как это так? Азухен... – вы извините, – Азухен вей, – он говорит». Шо мать – председатель еврейской общины, а сын правит церковью?!

АК: Господи...! А давно он крестился?

ПМ: Давно уже... уже лет... при правительстве её. Лет 8.

НЕ: То есть, она стала председателем общины, а он...?

ПМ: Конечно, она.. она всё это.. 8 лет, где-то вот так вот...

АК: А имама у них нету в семье?::)) Мусульманского имама?

ПМ: Ее.. его отец – это же родственники мы же... значить, с маминой стороны.. все были у нас священники. Вот почему мои дети пошли на это. Я никак не могла понять...

АК: Это по Вашей.. в Вашей семье, да?

ПМ: Да. Это ж моя сес.. мама, и его отец – это брат и сестра родные.

АК: Ну, да-да-да.

ПМ: Значить, его отец был коэн.

АК: Да?!?

ПМ: А как же! Его отец коэн, и уже этот Изя, значит, этот... шо отец этого парня, тоже коэн. И это пошло уже дальше, на это.. так он стал ко.. он стал священником! Но не по этой линии! (смеется)

АК: Но не по этой линии? Коэн.. значит.. а это... а как его звали, Вы не помните, вот этого коэна?

ПМ: Коэн – это священник по...

АК: Нет, а как его звали, вот этого человека?

НЕ: Как звали, вот, дядю Вашего?

ПМ: Кого? Кого?

НЕ: Папу Изя как..

АК: Да, папу.

ПМ: А... папу – Пэйса.. значить, мамин фамилия Швейбыш, Пэйса.. Абрамович..

АК: Пэйса Абрамович – и он был коэном, да?

ПМ: Да, да.

АК: А вот...

ПМ: И еще брат у мамы был.. значить, этот вот.. Янкл, Янкл, значить, Швейбыш тоже Абрамович, Янкл Абрамович, да, он жил в Свердловске, он

был крупный человек, кстати, про него в музее написано, он был первый секретарь обкома он здесь был, он знаменитость большая.

АК: Коэн – и первый секретарь обкома?

ПМ: Ну, уже революция... началась, дак (неразб.) Но это.. не, а коэн это же идет по наследству, понимаете? И оно передается из поколения в поколение. Вот вы спросите – вам объяснят. Что если.. если в семье, значить, когда-то были эти коэны, оно передается только сыну – дочери нет. На матери оно уже умерло всё. А у меня вот эти два брата, еще была сестра тоже. А два брата, значит, они.. это дальше шло.

АК: Но ведь тут раньше была синагога, а вот в синагоге они выполняли...

ПМ: Раньше не одна была синагога!

АК: А они выполняли какую-то роль особую в синагоге?

ПМ: Нет, старший сын.. старший, значить... Янкель, он сразу же поехал в Киев, и он там поступил учиться, он крупная шишка был. Коммунист большой.. Пэйса – в Горишковке. Село Горишковка, вот там, кстати, было гетто, я про это писала, и 75 семей еврейских было, колхозов два, один еврейский, другой украинский, и он там.. он там находился. Он очень соблюдал – это я даже помню, приезжала, я помню...

АК: Это Пейса, вот?

ПМ: Да. А Янкель – я там никогда не была, в Свердловске никогда не была, в Куйбышеве.. они там.. не знаю, коммунисты, я не знаю, соблюдали?...

АК: А это, вот, наверное, единственная такая семья, вот, коэнов, здесь в Тульчине?

ПМ: Нет.. ну, я не знаю, может, еще... (усмехается) Я не могу сказать. Я не могу сказать...

АК: Скажите пожалуйста, а вот Вы знаете...

ПМ: Это со стороны матери. А со стороны отца я уже не.. я уже не знаю, как со стороны отца.

АК: А вот Вы, наверное, слышали такое слово – «ихес»?

ПМ: Шо-шо?

АК: «Ихес», такое слово...?

ПМ: Ихес...

НЕ: По-еврейски.

АК: На идиш.

ПМ: (очень тихо) Как перевел этот ихес... Я знаю «нахес». Нахес – это хорошее что-то дело. Ихес.. а ихес.. подожди-подожди... шо-то да, шо-то... я сейчас Бете позвоню – у Бети не были?

АК: Бэта Лейбовна?

ПМ: Да.

АК: Мы к ней зайдем тоже к ней, вот, может быть – проведать.

ПМ: Сейчас... сейчас... это вот самое... дочка приехала – звонила, шо дочка приехала. Ихес.. нахес!

АК: А вот...

ПМ: ...ихес... да, ой, есть такое слово, есть. Есть такое слово – это уже с детства я вспоминаю.

АК: Угу, угу.

ПМ: Но она знает.

АК: Может, в каких-то поговорках оно употребляется? Не помните?

ПМ: Да, но.. не знаю, сейчас употребляется, но тогда оно употреблялось. Сейчас мало кто говорит, это иногда, на такой чтоб не забыть, я говорю вот так вот по-еврейски немножко с ними, старушками. Это утром я встаю, и сразу же звонки. Я звоню Бэте – «Как самочу.. Так, проверка!» – они уже все смеются. Проверка! Живая она, нет. Печерская, к Вале звоню, и к этой, вот, Олейниковой, и тут еще есть.. дядя Абрам и тетя вот это вот.. вы не были у них еще? Юрковец.. это Ярмолинские, Ярмолинские...

АК: Ярмолинские.

ПМ: Вы были у них, да?

АК: Но в прошлом году только.

ПМ: Ярмолинские – есть еще Юрковецкий.

АК: Угу... Нисэн Овшиевич.

ПМ: Другой раз с этим.. у нас тут старик.. он уже много знает...

АК: С 18-го года, да-да-да. А вот не говорили у вас, что какие-то семьи более высокие, а другие – пониже, вот, по.. статусу такому?

ПМ: Как – Вы имеете в виду бога... богаче, или...?

АК: Ну, например, богаче.

ПМ: Правильно, конечно, но это старые люди знают, я это не могу сказать. Я ж.. уже это не... Это старшее уже поколение. Которое до войны жили. Они могут сказать.

АК: А вот когда Вы узнали, что у вас в семье коэны? Когены есть?

ПМ: Ну, как, в семье все говорили...

АК: Все, да?

ПМ: Конечно! У меня, кстати, отец же погиб на фронте в 44-м. А.. это вот самое, а мама вышла в 47-м замуж за польского еврея. Кстати, он учился в университете, в польском.. Варшавском университете, и в 39-м, когда уже началось, они бежали, и он попал в плен. Ну, и он сюда.. потом она вышла замуж в 47-м, а... Адлер Хильборух Менделевич – очень порядочный человек..

АК: Как-как его звали?

ПМ: Адлер Хильборух Менделевич (...) Так он, значить... это.. маму всё расспрашивал, и он сказал даже, из какого мы колена, я еще дитя была... ну что...

АК: Из колена он сказал какого?

ПМ: Да, с какого она колена, да.

НЕ: А из какого, не помните?

ПМ: С какой-то высшей касты.

АК: Вот-вот-вот... угу...

ПМ: Он объяснял маме. Потому что я еще была ребенок. Мне было 4-5 лет еще.. просто... 4 года.. 4-5 лет мне было, короче. И я помню, как он говорил про этих коэнов, вот тогда я его слышала, я с детства знаю, что мама из семьи коэном. Это я знаю с детства.

АК: Высшая каста, да, он сказал?

ПМ: А Рита, кстати, тоже знает – Рита знает, Изя.. они все знают.

АК: А вот, значит, были высшие касты.. высшая каста...

ПМ: Да, высшая ка.. он сказал, как-то, значит – делятся на 3 ступеньки как-то, я не поняла, значить, эти колени, но я не помню, с какого колена, понимаете? Но я помню, что он сказал – не с низшей, а.. с высшей касты. Вот это я хорошо помню.

АК: На три... на три делится, да?

ПМ: На три ступени.

АК: На три ступени.

ПМ: Он объяснял.

АК: Ага.

ПМ: Как, что – не знаю, сестра, может, знает лучше, но она в Израиле, она ж...

АК: А чем это определяется, именно тем, кто были предки, или чем-то еще?

ПМ: ...После войны.. вообще слово «концлагерь» нельзя было говорить, вы зна.. Нельзя было вообще на эту тему не.. это просто.. это просто мой счастье – мне даже Бэтя удивляется, говорит... у меня сильно цепкая память. Я с детства это всё, что говорили – запомнила. И благодаря этому я всё пишу. Вот. Но.. старались же мало говорить, боялись.. боялись всё говорить. Так то, что я запомнила вот это всё, я, вот, описываю.

АК: А вот Вы знаете, нам такое выражение сказали, «а ихес ин буд»..

ПМ: Ихес, да, ихес – подожди, сейчас я скажу, я... просто у меня с головой.. «аза ихес»! Такое дело! Ихес – это дело. Такое дело! А, подумаешь! Такое дело! (смеется)

АК: Аза ихес, да?

ПМ: До меня дошло..

АК: А вот о чем так можно, например, сказать – «А, аза ихес!» Поду.. Вот о чем, например?

ПМ: Ну.. например, это самое... Какой-то там вопрос задает, или что-то говоришь – ах, подумаешь, такое дело, да?

АК: Ничего особенного, да?

ПМ: Да, ничего такого особенного. А- ха-ха – аза ихес! (смеется).

АК: Аза ихес, да.. А вот.. «а ихес ин буд» нам еще говорили такое выражение.

ПМ: Ихес ин вус?

АК: Ин буд.

ПМ: Ин буд?

АК: Ин буд.

ПМ: Ин буд... э... большое дело.. в.. это дело в бане. Это «дело в бане», это перевод. У нас же.. евреи же раньше не матюка.. вы знаете, что евреи не это.. нет ни ругательств, нет ничего. Вот это были у них какие-то, кое-какие, там, небольшие такие.. (усмехается).. если он хотел обидеть.. не обидеть, а проклясть...

АК: Проклясть?

ПМ: Да, например, проклясть. Я помню, после войны как-то было (смеется).. здесь полно евреев, жили все евреи.. это я помню как это шо-то – наши, у нас гуси тут были, всё такое – у всех были во дворах, после войны. Я помню, шо мама шо-то говорит, Монька Пишер тут же.. извините, конечно! (смеется). Так он здесь жил, так она говорит: Монька, так.. это.. по-еврейски, конечно, там курица-то твоя.. моя, мол, курица это самое это.. Он начал что-то, там, говорить – она говорит: «Так. Я хочу, чтобы ты только своими... по-еврейски – смотреть своими.. видеть всё, богатство всё, но только глазами. И шоб ты ничего не мог взять. Вот так, как я сейчас перевожу, как, например, так. Мы всё видим, в наше время, мы видим всё, но мы не способны, у нас не хватает денег на то, чтобы это всё.. Вот так.. это было такое проклятие!

АК: А как это по-еврейски будет, Вы не помните? Ви зогт мэ аф идиш?

ПМ: Э... кикт.. кик... мэд ойген, ин зол гур нит ди нит кенэн нэмен. (смеется)

АК: Ага! Проклятие, да?

ПМ: Такое проклятие.

АК: И вот эти выражения...

ПМ: Я стала забывать язык потому что мы так иногда еще говорим.. вспоминать..

АК: И вот это «ихес ин буд» это тоже как бы.. вместо, вот, ругательств, которые у украинцев, да?

ПМ: Да, да, да.. Иди в баню, мол, такое! (смеется).. так...

АК: А, иди в баню!

ПМ: ...как сейчас такое..

АК: А знаете, уж тогда.. раз уж мы заговорили о неприличных словах, мы тоже слышали такое выражение – «ихес-гухес». Так тоже говорят?

ПМ: Да. Ну.. поцелуй меня в одно место!

(общий смех)

ПМ: Ну.. это ясно. Ну, это уже.. да, это уже это самое. Это уже выражение, как с украинцев берется, вот такое уже, ну.. но евреи.. так как... утром.. у меня цыгане здесь живут.. здесь – украинцы...

АК: Цыгане?

ПМ: Да, вот здесь... Через дом. Там, где продается дом, написано «Хата...»,

АК: Да-да-да..

ПМ: Кстати, это еврейская.. это одна уже осталась в Тульчине такая хата. Все, кто приезжает с Америки, с Израиля – все фотографируют. Потому что единственная такая.

АК: Но там живут, мы там видели – цветы стоят.

ПМ: Там живут цыгане, да.

АК: Ах, это цыгане там живут? Не евреи, да?

ПМ: Да. Нет, евреев уже нету, так что.. тут уже (неразб.) Евреи б такое допустили?!? Такую хату?!? Блестела бы хата!

АК: Ну да, конечно..

ПМ: Да, так тут когда-то жили.. Шика, и.. жили когда-то люди здесь.

АК: А как звали хозяев...?

ПМ: Всегда они выходят, начинают матюка.. утром. Сейчас их нету – 20 у них внуков. Мат-перемат, и такое малые, и они уже... да. Ты, св...! Смотрю – думаю: когда евреи на дитя такое могли сказать когда-нибудь (?)? И, может быть (?) еврейский народ не нравится тем.. еще, что сильно детей очень лелеют, очень.. для него дитя – это всё! Это радость, это счастье, а тут – «ты.. вы.. на шо ты родына...» в общем, такой вот мат-перемат.

АК: А евреи не матюкались?

ПМ: Боже упаси!

АК: Никогда, да?

ПМ: Да я ж говорю, такие матюкания, я ж говорю, что.. такие матюкания...

АК: Вот это.. заместо такие выражения были заместо вот этих...?

ПМ: Да.

АК: ...вот, за матюкания, да?

ПМ: Да, да.

АК: А вот про нееврея можно было сказать – «О, а ихес ин буд!»? Можно было про нееврея, если он тоже, там...

ПМ: ... да...

АК: Можно?

ПМ: Да, можно. Да.

АК: А вот с понятием «гонор» это как-то связано.. вот он такой, вот, он хвастливый, заносчивый.. а, ихес..?

ПМ: Конечно.. в каждом народе..

АК: Ну, это вот та ситуация, в которой такое выражение...?

ПМ: В каждом.. в каждом народе есть люди, когда же.. бывало, что даже и спорили евреи – было, было такое. Вот.. помню здесь.. И дружили, вот, там соседи жили, и она до ста лет дожила, тетя Кутя вот там..

АК: Кутя?

ПМ: Кутя, да. Мы собирались, там.. я, кстати, написала воспоминания детства, я, вот, написала, как мы собирались, все там бревна были после войны сразу же. И мужчины говорили про политику, там, всё.. А женщины расстилали скатерть, и вели, и значит, это вот што кто имел, понимаете, шо было как дружно? После войны. А мы дети уже, дети войны.. собирались уже, значит, показывали им спектакли, этим старым людям, вот, да, и нам

если перепадала конфетка.. я написала про это детство.. воспоминания детства... я получила тогда.. в золотой фонд попала она. Это.. воспоминания.. у меня есть эта статья. И про маму вос.. я написала, «У святых лип». Это я в Виннице – я просто не еду, надо поехать туда, попала в областное радио, «Золотой Фонд». Попала.. у меня статья. Ну, я читала, и.. очень понравилось, и... Так я помню тогда, что это самое.. что даже делились дети. Попадет конфетка – мы все делимся (неразб.) или булочка.. но сейчас же этого нет. Заборов у нас не было раньше. Двери не закрывались ни на какие замки. Один другому доверял. Это почему меня побудило вот это вспомнить, вот эту статью, вспомнить вот это дело, и написать.. я там проходила по нашей улице, и вдруг читаю: «Во дворе злая собака». И смотрю на эти.. ее, значить, дверь там, и смотрю, даже на запор, и смотрю на калитку, эта калитка закрыта наглухо замком, и она дома, она есть. И.. это самое запоров – сто запоров. И я вспомнила как жили.. в бедности! И, значить.. как же я.. в конце я написала, значить – вспоминаю я, как жили с юмором, с мудростью, и открытой.. и душой.. нет.. значить.. душой, это.. мечтой в лучшую жизнь. Мы не были разбалованы, мы были дети войны. Мы все ходили босые, у нас еще ничего не было тогда. Кукла.. куклы, я помню, под столом, ну, это же не (неразб.) под столом, я помню, как я игралась. И куклу мне шили из тряпок.. там нарисуют глазки – моя сестра старшая, она училась в педагогическом училище, и она мне нарисует глазки, это носик, это всё – и меня оставляют на целые сутки дома, потому что мама должна идти заработать, там, шось сделать – она пекла хлеб у меня, мама. А сестра в педучилище. Потом уже появился отчим, он тоже пошел работать. Вот, а под сто.. одна, целый день играюсь – вот это.. вот это вот были игрушки. Кукла у меня, еще шо-то там какое-то всё сделанное из ничего. До.. из доски шо-то вырезанное тоже, вот это я помню, как теперь.

АК: И все так вот жили, да, в общем, после войны?

ПМ: Не все так жили! Почему все? Здесь вот Вишне.. э...

Николаевские. Ну, она по.. Николаевская, а ее Вайсман фамилия девичья. Они – вот, я не знаю, вы не были у них, нет?

НЕ: Неа.

ПМ: Ну, они были обои эвакуированы. Так что они ничего не могут сказать. Дак она жила зажиточно.

АК: А с чего бы? После войны?

ПМ: Ну, у нее отец был богат. Тут были такие зажиточные, шо имели по несколько домов, заезжие дворы – кстати, вот это дальше вы идете, там двухэтажный дом, там был заезжий когда-то двор, вот, обратите внимание.

НЕ: Что, они после войны так жили?

ПМ: Это до войны.

АК: А, до войны.

ПМ: А после войны они тоже были зажиточные.

НЕ: А вот после войны они почему? Что-то осталось, или как они? Чем-то занимались?

ПМ: Что осталось?

НЕ: Почему они после войны, вот..

АК: Каким образом..

НЕ: ...все бедные, а они...

ПМ: Потому что кто пришел с концлагеря, например, мои ро.. моя мать, што она имела? Даже фотографии отца я не видела. Представляете, как я прожила жизнь? Я не видела своих братьев, сестер. Всё погребло, всё погребло. Они пошла в концлагерь, дом там был на Капцанивке, зашли украинцы, всё из дома, что было, чисто забрали.

АК: А забирали, да, вот, из опустошенных домов?

ПМ: Соседка мамина, я помню, после войны она со мной шла, меня держала за руку, еще маленькая была, она говорит: «Маруся, ну як тобі не стыдно, ты виддай хоть маленький коврик мэнэ мий... Мий коврик виддай мни». Соседка, как только маму забрали в Печору, семью, она тут же зашла в дом, и тут же всё у нее забрала. Вот. Так что у нас еще те, что были в концлагерях, мало у кого что-то осталось. Но те, кто были эвакуированы, они кое-что сумели с собой забрать, они приехали богачи. А эти были бедняки. Если она пришла.. из мешковины.. у нее и у сестры моей это.. были юбки из мешковины. Тогда не шили – это первая ихняя одежда была после войны.

АК: А у Риты Генеховны ведь тоже, она..

ПМ: Она ж.. у нее погибли родители.. я... то, что есть, то есть. Я не буду.. вы понимаете, я очень справедливый человек. Она действительно пережила. Остаться дитям.. дитём, 5 лет, это действительно очень страшно. Мать погибла, там, отец – это правда. Да. Но 5 лет – откуда она может помнить, шо мама моя была беременная? Моя мама была беременная уже в лагере. И сколько я с ней воевала, чтобы добиться «узника», так и не..

АК: А, это она Вами была беременна, да?

ПМ: Да.

АК: А зачем добиваться, ну, собственно, я имею в виду...

ПМ: Неее! Были свидетели, и было всё, и она убивает [так!] мне свидетелей, одна умирает, потом другая свидетельница умирает – она их так загрызла! Да. И Бэтя говорит: «Ну как это, мама ж была.. все знают, шо.. тебе ж было 5, шо ты помнишь? Ну што ты помнишь?»

АК: Конечно.

ПМ: Нет – и всё. Подала заявление прокурору, што моих родителей вообще не было в лагере, и меня вызывали, и свидетелей вызвали – столько пережила, девочки! Страшное пережила. В Германии меня признают как узницу, а она – нет. Я здесь ничто. Ну, я, конечно, дитя войны, все равно я дитя войны, да. Но я же практически...

АК: А у узников другой статус в общине, да?

ПМ: Да.

АК: А чем он отличается?

ПМ: Ну, я не знаю, но чем-то.. как-то по-другому. Отличается.. Во-первых, дети войны – это только 25 % всего.. как вам сказать? Значит,

оплачено, например, за газ, за то, за другое. А так бы я, во-первых, как инвалид войны я б считалась, потому что я с детства.. порок сердца. Я-то имею группу вторую, вот, а я считаюсь как я же рожденная.. от чего? Мама рассказывала – кукурузные.. находила кукурузные лушпайки или картофельные хлобышпайки – я написала целую историю, у меня есть эта история. Вот – и это самое.. и кормила меня и сестру. И те поумирали.. за что ей было это самое так.. ну, что сказать?

АК: А узникам вообще не надо, там, платить, вот, за электричество...

ПМ: Э... нет, вот ни Печерская, ни Олейникова, ни.. – они не платят никто. Ничего не платят, ни за свет, ни за газ... За свет что-то 25% ко... Ни за... 75% они не платят, а 25%...

АК: Ну, в общем, это какая-то реальная такая...?

ПМ: Очень большая помощь, очень большая! Они не платят за газ, вообще, за газ не платят, они не платят за воду, ну.. большие привилегии.

АК: А в общине, там другое отношение к таким людям, вот... действительно, да?

ПМ: Они получают как узники, они ж получают за это.

АК: Другого типа посылки..?

ПМ: Добавочные..

АК: А, добавка просто...

ПМ: Добавочно к этому самому.. Они получают добавочно к пенсии. Небольшую сумму денег.

АК: Так Вы имеете на это право.

ПМ: У меня есть документ! Но она не подпускает! Она такое вытворяет, что ужас. В собесе приняли, и всё. У меня же есть.. на основании документа, и все дело. И военкомат принял, и всё – она такое вытворяла!

АК: Это она только Вас так обижает, или еще есть люди, которых она обижает?

ПМ: Нуу.. говорят, что она очень грубая ко всем. Но особенно ко мне – я не знаю, почему. Не знаю. Не могу понять – столько мама добра ей сделала, все в ужасе. Не знаю!

АК: А она знает что, вот, у Вас в роду коэны были, вообще это для нее как-то значит..?

ПМ: Как она не знает! Как же она не знает!

АК: А, ну да. А это для нее что-то значит вообще?

ПМ: Если сын пошел в... а старший сын в Москве в церкви.. и меньший.. о чем говорить?

АК: Но ведь это должно как-то вот...

ПМ: Я даже не хочу вам говорить. Всё, я не хочу говорить – полностью, это.. тошнит, всё. (очень тихо) Не хочу говорить..

АК: А вот для Ваших сыновей, они... вот, там, где они учатся, вот, в ешиве,

ПМ: Они учатся.. старший у меня раввин.. в это.. в Ярославле. Кстати, у меня есть... (неразб.) он прислал (встает, уходит за чем-то).. в Ярославле,

один из самых лучших людей, его как это.. вот он, мой сын (показывает ярославскую газету с фотографиями «лучших людей»).

АК: Ой, да...

НЕ: Ой какой...

АК: В шапочке...

ПМ: А там написано – «Иудейская община...»

АК: А, так это вся община, что ли...?

ПМ: Нет, это.. самые лучшие люди Ярославля.

(рассматриваем фотографии в газете)

ПМ: Ну че – показывать это до ночи, у меня тысячи дел, тысячи проблем..

АК: А вот... ну, как бы когда он учился еще да, вот это было важно там, что он из семьи кознов? Вот для...

ПМ: Они ничего не знали.

АК: А, они не знали?

ПМ: Потом, когда я уже.. потом я уже сказала. Они вначале.. просто ему задал вопрос.. они так и не.. я так и не говорила, а ему задал вопрос раввин один, моему меньшему. Кстати, ему перед тем, что он пошел учиться, ему.. с ним... он потерял сознание шо-то, и ему видение было.

АК: Видение было?

ПМ: У меньшего, да. У меня тоже было 3 видения. Также было.

АК: А что у него было за видение?

ПМ: Он не говорил.

АК: Он не говорил, да?

ПМ: Он не рассказывал, было видение, он уже работал.. на водоканале, на водокачке работал, не, он мне не рассказывал, но это самое.. он говорит: «Мама, всё, я пойду...» Я еще так.. все смеялись... зачем это тебе надо, все сме.. даже мой старший сын смеялся. А потом мой младший сын забрал всех еврейских мальчиков. И все они учились в ешиве. Но из них только мой сын – старший, меньший – а те все...

АК: Не доучились, да?

ПМ: Не! Выпили, гуляли, нет, нет. Выгнали всех. Всех выгнали.

НЕ: А это когда было?

ПМ: Ну, это было в девяносто... подождите, сейчас скажу... муж умер в 88-м, где-то в девя.. старший, старший – сейчас я скажу. Значить, меньший сын пришел с армии... он с 68-го года... где-то в 91-м.

НЕ: А уже община была к тому моменту?

ПМ: Здесь была община, да, уже была община, появилась община, Бартик тогда, и приехал сюда один американский раввин, к нам, на вечер – было вот тогда праздник Ханука, как теперь помню. Ну, и собрались все в доме культуры – тогда много евреев было, потом разъехались. И я просто тогда выступила, и говорю, что.. а он мне говорит: «Мама, я хочу учиться». Я выступила и говорю, что я.. «Извините пожалуйста, я хочу Вас спросить, – этого раввина. Мой сын хочет учиться». Ваааа! Что творилось! Весь зал гудел. Со смеху пада.. наши придурочные ж наши все, дурные! А эти ребята

все попадали со смеху. «Яшка, ты придурок!» – всё. Ну, а потом.. А он с детства у меня – я видела по нём, что он с детства тянет всё с богом дело. Всё, что он ни делал, он делал с богом. Нельзя то сделать, нельзя это, нельзя... Вот это я помню.

НЕ: А что нельзя?

ПМ: Да, и когда вот это.. и что интересно, они после смерти мужа, я очень болела, я ушла с работы, и спасибо детям, они стали заниматься бизнесом немножко, такое вот, и... он поехал в Винницу, что-то покупать там, и вдруг он чувствует, кто-то его, там, за плечо.. это.. запомнил его раввин тот, и говорит: «А ты хочешь учиться?» По-английски. А мой знал английский, меньший, он очень хорошо знал, это благодаря тому он в Америку попал. Вот. Он говорит: «Ты хочешь учиться?» – он говорит: «Да, я бы хотел бы, как мне это сделать?» – «Через 2 дня приедешь туда, и туда, и туда, мы тебя направим, всё, это самое...». Да. Приезжает..

АК: А сколько ему лет?

ПМ: Приезжает.. Ему тогда было... Сейчас?

АК: Ну, сейчас..

ПМ: Сейчас 38.

НЕ: Это, что ли... совсем.. мальчик был.

ПМ: Это было сколько? Сколько ему лет было? Я не знаю,

АК: 23.

ПМ: Двадцать.. где-то такое, вот, да. Приезжает он – «Всё, мама я бросаю бизнес, и я еду учиться». Я говорю: «Ну, смотри».

АК: А где он там учился?

ПМ: А он учился.. закончил техникум в Виннице, радиолампы, в радио... вот это... техникум, потом он учился.. потом он уже должен был ехать в Одессу, учиться на водолаза, что-то такое, он работал в этом... в водоканале.

АК: А там он что закончил? В Америке?

ПМ: Там? Там работает он же там в общине...

АК: Нет, а закончил он там что?

ПМ: А там академию.

АК: Академию, да?

ПМ: Академию духовную, да.

АК: В Нью-Йорке?

ПМ: Не.. он не в Нью-Йорке, Сквир есть такой, Сквир. Нью-Сквир... Нью-Сквир, а сейчас он находится в Лейквуде, там 11... маленький такой, как Тульчин, там 11 синагог.

АК: Ого!

ПМ: Он женился там, взял девочку с Канады, с семьи раввинов тоже, вот, у него уже 2.. 2 дочечки. Внуечки у меня. Да. Я их еще не видела. А невестка.. ну, она говорит со мной по-английски, она слова не знает по-русски. Эта малая мне тоже говорит, что «я тебя люблю» по-английски. «Мама, учи..» Я говорю: «Я должна учить, или они, молодые должны учить?!?» Изучать, в общем, короче такая... Не, так это ж я хочу сказать –

потом, когда он уже учился, и ему задал.. он очень с.. насчет этого сильный такой.. и.. это.. какой-то раввин – приезжали раввины туда, всё, и задали ему вопрос: «Вот, в таком возрасте, и тут ничего же это не изучали, ниче.. как ты так это всё схватываешь? Ты скажи, кто у тебя в семье... – сразу же сообразил один – кто у тебя в семье был с этих вот..?» Он говорит: «Я не зн...» – ну, он таки... откуда знает? И я тоже фактически не знала. Ну, я помнила с детства такое вот всё. Я беру звоню до Риты – мы еще тогда были по-хорошему – я звоню к ней, еще только начала.. приступила, кажется, или нет, позже она приступила – мы тогда.. я звоню, а уже брат мне говорит: «А ты что, не знала, что мы с такой семьи?» А потом я уже звоню к сестре, она еще в Риге жила, она потом переехала в Израиль, она говорит: «Конечно, так, и так, и так». Всё мне уже объяснили, мы уже в курсе дела были, что так..

АК: И Вы ему сказали, конечно, тут же, да?

ПМ: Да, да. Тут же объяснили уже, да. А я сама.. я так.. ну, как сказать? Я знала, но я не понимала это всё!

АК: А документов каких-то не сохранилось в сем...?

ПМ: Были, я ж говорю, шо... из поколения в поколение передавался документ.. што это.. значить... оно ж передавалось. Но у матери нет, потому что мать уже к этому не относилась.

АК: Ну, где-то он должен быть, этот документ?

ПМ: Ну, это я не знаю, где.. был, может быть, у Пейсы был, я не.. я уже это не знаю! Где, что. Я ж не могу сказать. Но то, что с семьи коэнов со стороны матери – это точно. Со стороны отца – не знаю. Потому что у меня никого нет, чтоб спросить. Все погибли у отца. И я никого не имею, чтоб спросить точно, что, какие, кто там был? Што там были – я не знаю.

АК: И он потом, вот, Вы говорите, при советской власти он уже в ЦК, да, работал? Или как Вы сказали? Где он работал?

ПМ: Кто?

АК: Вот, отец...

ПМ: Какой отец?

АК: Отец..

ПМ: Нет, брат матери старший.

АК: А, брат, брат Вашей.. он кем работал?

ПМ: Он работал каким-то.. шо вам сказать.. каким-то крупным, тут, в музее, там, или шо-то, я не знаю. Он был большой человек. Его даже хотели поставить.. в 50.. в 53-м году его хотели поставить президентом или министром... это не то, что министром, вот.. И он тогда был у нас, потому что сестра не знала, что он остался жить. После войны он ее разыскивал, она его разыскивала. Мама.. вернее (?) моей мамы. И в 53-м году, я помню эту встречу, когда он приехал сюда. Он говорил, мама ему сказала: «Сейчас очень плохое время. Опасайся». И таким образом он отказался от этой должности. А в Свердловске он был какой-то большой человек. А его дочка в Киеве была прокурор.. области. Киевской области. Сейчас в Америке. Мы с ней переписываемся, она мне очень много интересного пишет, я ей задаю

вопросы, там, что она помнит.. Потому что сестра мамина со всей семьей пропала без вести, я не помню с детства фамилию их, я не знаю. Ну, так-то Швейбыш ее фамилия, а как по.. да, не знаю. Так я.. просила сестру мою – сестра моя ничего не помнит. 31-го года, она ничего не пом.. А та чуточку, старшая, она жила в Киеве, а они жили в Житомире, или где-то там. Так она мне написала, вот, есть письмо, написала, что я помню их имена, помню, кто они были, как они были, что.. но фамилию, говорит, я не помню. Вот я хочу сейчас писать.. или к Левитасу напишу, или в «Жди меня» – я хочу все-таки узнать..

АК: Попробовать, угу.

ПМ: ..о.. это были двое детей, дочка и сын, помню только, мама говорила, что они прекрасно играли на рояле. Шпил.. гешпилт на рояле, и я не помню так, сквозь сон, или это Шпилер фамилия была ихняя тоже? Я это не помню. Так как я могу найти? Просто то, что я пом.. шо ее фамилия Швейбыш, да? А Маня.. такая, такая, такая – да? Можно так найти? Или нет?

АК: Ну, может.. попробовать можно..

НЕ: Попробовать..

ПМ: Я хочу знать.. погибли они, где они лежат? Где они похоронены? Где, что? Я хочу знать.

АК: А вот к Вам никогда не обращаются люди с просьбой найти предков?

НЕ: Ко мне?

АК: Да. Ну, раз, вот, Вы занимаетесь тем, что находите..

ПМ: Ну, я просто так, ну, как вам сказать, я да, разыскиваю всё это, мне это интересно, потому что я.. не историк же.. просто...

АК: Ой, а вот я вспомнила, тут есть такая женщина...

ПМ: Тут есть люди вообще, тут кто-то есть? (усмехается) Тут нас евреев осталось... несколько человек... неужели.. старики.. с молодых вообще никто ничего не занимается этим, оно их не интересует. Это просто меня интересует всё это.

АК: А вот есть такая женщина, Галина Иосифовна Могилевская...

ПМ: О! (смеется, неразб.) ... кино! (?) Она на меня напала несколько дней тому. «Что??!! Ты не могла подойти до Риты?? Ты должна была сама их под... в это вот..!!!» Я говорю: «Галина Иосифовна, Вы только хотите, шоб я Вам отдала биографию моих праведников. Дайте мне биографию Ваших праведников, которых Вы делаете!»

АК: Вы.. которых Вы нашли, да?

ПМ: Да, да. Я говорю: «Ты с Ритой.. Вы с Ритой тоже ведь не в ладах?»

АК: Вот я почему и спросила, я слышала, что там тоже был какой-то конфликт вроде бы...

ПМ: Так какой это конфликт! Там просто.. а Рите тоже, там, не нравилось, шо она там ей прямо посылки домой заносит, так, как мне сейчас (смеется). Да. А мы сейчас с ней, почему мы с ней не в ладах, мы

были по-хорошему. Мы выходим в праздник этот последний.. когда был праздник этот.. подожди.. Ханука, не.. подожди.. не... А! Пейсах, Пейсах, да. А эта Валя, что про нее написала, да? Значить.. вчера по радио про нее я читала, это мы собрались на второй день на этот Пейсах, вот, и мы выходим – я, Валя выходит, там еще моя подружка выходит, выходит Могилевская. И Валя говорит: «Боже, ты меня прославила на весь Тульчин! Я уже известная, в общем, такое вот.. » А та (?): «Кто, Поля прославила?» – «Да. По радио». – Она говорит: «Это разве она пишет? Это ей пишут!» Какую-то Маслову назвала, какую-то женщину. Я такие глаза...! Во-первых, я остолбенела, а Валя говорит: «Как?!?» (смеется) – она такая смешная, с юмором – «Как это ей пишут?!? Я у ней сидела, я ей говорила, а она писала, при мне! И она на второй день пошла на радио, и это, вот, сам... Как же, как же, ей кто-то написал!» Я не хочу ее знать. Как это так взять, вот такое выдумать, что это кто-то мне пишет.

АК: Она тоже, вроде, что-то пишет, да?

ПМ: (очень тихо) Шо она пи.. Она идет – я говорю, как есть – она пошла в военкомат, она взяла там книгу, выбирает, там, евреев – ну, не евреев, вообще, кто остался жить, там... Так там с этой книгой там такие были скандалы! Люди нападали на нее, там, неправильно она написала. Такой был ужас.. Вот так она пишет. Она пишет просто.. как это.. фамилии этих всех этих вот..

АК: Просто перечисляет, что ли? Просто перечисляет фамилии?

ПМ: Да. Да. Да.

АК: Ну, то есть, она не пишет статьи, как вы?

ПМ: Неет. Она не умеет статьи писать. Неее. Это она не пишет. Она просто пишет... вот, например, сказа.. вот она пришла ко мне, например, да? Кто у тебя погиб в Печоре? И я ей перечисляю фамилии, имя, отчество моих.. кстати, я отправила туда в Израиль, в Яд Вашем... Вот она зашла до Бэти – кто у тебя там погиб?

АК: То есть, обходит всех, да?

ПМ: Вот так она, значить, вот это вот, только вот это пишет, но она же.. этого... это она не умеет это. Вот уже девятый десяток, чи у нее заскок был, чи шо. Она потом ни с того, ни с сего мне звонит: «Ты шо, на меня обиделась?» – Я говорю: «А как.. Вы думаете? Взять, придумать такое – кто мне пишет?», говорю. – «Я просто пошутила». Пошутила! Старая женщина, 9-й десяток. А?

АК: Ну, по ней не скажешь, что 9-й десяток.

ПМ: Она молодец, она хорошо держится, она молодец, да.. всё.. что будешь говорить... Она врач бывший, она знает, как шо. Она за собой смотрит, дети у нее хорошо обеспечены...

АК: Там, вроде, у нее сын какой-то чуть ли не академик, да?

ПМ: Да.

АК: Это правда?

ПМ: Да. Дети очень способные. У нее муж был очень большой человек. Директор школы – но он был вообще очень-очень.. Умница

большой. А она... (неразб.) Я не то, шо говорю про его... даже календарь такой, вот Миша мой пишет.. все написал, мне очень нравится.. э...

АК: (читает) «Раввин ярославской религиозной еврейской общины Мошэ Мураховский». Здорово.

ПМ: Очень красиво написал, мне понравилось, как он написал. Они все пишут, там, значит, православные, там, католическая, там это са... Умница у меня Миша, умница. Добрый... «Ой, ты такая дурна, – Миша, – ну шо цэ ты тратишь гроши...?» Ну, там, мол, я иду к старичкам, или что-то такое, вот я помогаю очень людям, как называют они меня... «Мать Тереза» (смеется). Да. Ну как я могу пойти к старикам с пустыми руками? Я шо-то им покупаю, шо-то им заношу уже... Да. И они это самое... меня одна с собеза просит: «Нашего (неразб.). На... шо это? Зачем это быть такой? Зачем это такое вот?» – Я говорю: «Доброта спасает мир. Если б, – говорю, – не было доброты, так что б было тогда?». А люди этого не понимают. Настолько скупые! Настолько всё – себе! И всё мало, и всё мало! Вот, у меня соседи. Они не знают уже, что вообще в хату внести уже. А мне – захочется взять им (неразб.) Только шоб быть здоровой, и шоб... (смотрит в календарь) Это все праздники. Я теперь смотрю, когда...

АК: А интересно сделано...

ПМ: Очень интересно..

АК: ...то есть, тут табличка, все праздники, всех, вот, кон.. религий.

ПМ: Очень интересно, очень.

АК: Православие, ислам, иудаизм, и лютеранство, католицизм.

ПМ: Да. Очень интересно сделано. Очень мне нравится, как это сделано. Да... (вздыхает).

АК: А вот это интересно – «Ханука» написано, «праздник победы еврейской армии под предводительством Маккавеев над греко-сирийскими завоевателями». Здорово. И словарь религиозных терминов в конце.

ПМ: Да.

АК: Хорошая книжечка.

ПМ: Да, это он мне привез.

АК: Да...

ПМ: Вот такое... Привет всем передай, там.. уже передай.. а вы не будете видеть милую Лиечку, не будете?

АК: Возможно. Хотя не знаю – вот сейчас...

ПМ: Привет ей большой, потому что она мне звонила, говорит: «Мы едем в Балту».

АК: А Вы ее знаете откуда?

ПМ: А она же подружка моих детей.

АК: Ааа! Понятно!

ПМ: Да, ну, я ж когда приезжала в Киев, так она ж была у них часто. На праздники мы вместе, в шабат мы вместе.

АК: Ну, вот мы буквально – когда? Позавчера ее видели, когда.. мы после шабата сразу уехали.

ПМ: Да. А она звонит ко мне, она.. у нее есть адрес, и всё..

АК: Она получила какую-то стипендию, сейчас на год в Израиль поедет учиться. Такая радостная была – вот как раз в Балте она получила эту...

ПМ: Она мне говорила, что с.. муж, вроде, хотел в Израиль, потом передумал, что-то...

АК: Ну, вот сейчас она поедет. Не знаю, там, как муж, да...

ПМ: Она мне звонила.. она мне звонила где-то.. в конце мая. Она мне сказала, что «Мы едем в Балту». Я говорю: «Так шо, вы здесь не будете?» Она говорит: «Нет, навряд ли, но может кто-то, – говорит, – подъедет». Мне говорили, что кто-то должны были приехать ученые какие-то с... Ленинграда, с это.. с..

АК: Может, это про нас речь шла?

ПМ: Какие-то ученые...

АК: Да, я думаю (усмехается), что это только про нас речь могла идти. Ну, мы, в общем, в университете же все.. преподаем, и... учимся, так что..

ПМ: Шо, с вами преподаватели приехали, да?

АК: Ну, вот я, например, тоже преподаватель как бы (смеется). Ну, мы, по крайней мере, не студенты, это точно.

НЕ: Да.. (усмехается).

ПМ: Ну, шо вас интересует? Шо интересует, потому что я извиняюсь.. у меня тысячи дел, тысячу..

НЕ: Ну да, конечно... Мы понимаем. Но мы.. мы просто еще пару слов..

ПМ: Я в таком ви... в таком обёре (?), шо я занимаюсь домашними делами...

НЕ: Полина Яковлевна, а вот на праздники Вы ходите в общину, да?

ПМ: Да.

НЕ: А там праздники тоже.. или – как, вот, проходят? Ну, вот, Песах, Вы говорили, а...

ПМ: Ну ...

НЕ: А расскажите, как последний Песах проходил?

ПМ: Последний Песах прошел.. вот эта самая раввинша, она читала – читала, и как надо мацу брать, как это всё, она объясняла. Вот это всё. Собралось человек 80 где-то было.

АК: 80?

НЕ: Так Вы ж говорите, что евреев мало осталось, откуда ж 80?

ПМ: Ну, остал.. это уже половинки почти што. А есть такие, что муж еврей, а она украинка, или наоборот..

АК: А вот нееврейских супругов тоже с собой приводят?

ПМ: А так посчитать, что чисто еврейские это вот, я считала, сидела – считала, насчитала где-то семей.. очень мало.

АК: А нееврейских супругов приводят с собой?

ПМ: Ну а как же! Они ж приглаша.. ну, а как же! Что значит нет?

АК: А Рита Генеховна не...

ПМ: Если он проработал 20 лет, например.. прожил с ней 20 лет, или 15 – ну, как же так?

АК: Она не против того, что туда неевреи...

ПМ: А чего она должна быть против? Даже посылки раньше получали эти неевреи.

АК: Неевреи, да? Ничего себе!

ПМ: Да, они даже посылки получали, потому что если прожил с женой 20 лет, и она прожила это вот.. так они получали посылки это вот.. Им сейчас уже отменили это дело

АК: Отменили, да?

ПМ: Сколько может Америка спонсировать это всё? Это ж так подумать, сколько посылок, сколько всего.

АК: А разме.. вот, то, что человек получает посылку или нет, это зависит как-то, например, вот, от его пенсии, там, или как?

ПМ: Да, да. Сейчас – да. Сейчас да, раньше не было, сейчас – да.

АК: А сейчас – это вот сколько времени уже?

ПМ: Сейчас кто получает... вот Печерская не получает посылку. Она получает польскую, там (неразб.) Бэтя получает посылку. Я получаю посылку, потому что у меня маленькая пенсия, у меня..

АК: А какой, вот, размер пенсии может быть.. до какого получают?

ПМ: Ну я ж говорю – до 500 гривен.

АК: До 500 гривен, да?

ПМ: Ой.. сейчас это по-новому, сейчас это такое сделали в этом году.

АК: А, только в этом году это?

ПМ: В этом году сделали. А то получали посылки. А в том году уже запретили уже украинцам, русским – ну, этим вот уже таким.

АК: А обижаются...?

ПМ: Получают дети, получают пенсионеры получают.. вот такие слои, что... шо малая зарплата. Вот.

АК: Не обижаются те, кого исключили из этого?

ПМ: Наверное, обижаются – что значит не обижаются? Они обижаются, но уж... но евр.. но сколько может Америка доить... сколько ими можно доить? Это представьте себе по всей стране.

АК: А это американские, да?

ПМ: Да. Ну как американские? Америка пересылает доллары. А уже Киев передает Виннице, а в Виннице уже Хэсед, там решает.. продуктовые посылки, рис, там, подсолнечное, такое вот всё. Но конечно это большая помощь. Мне лично – большая помощь.

АК: А что там, вот, дают, просто интересно, в этой посылке?

ПМ: В посылке?

АК: Да.

ПМ: Ну, рис, я же говорю, могут рис дать, подсолнечное масло, гречневая, там, сахар, консервы – вот такое вот.

АК: А алкоголь дают там?

ПМ: (кивает отрицательно)

АК: Ну, мало ли, я просто не знаю.

НЕ: Ну, вот, скажите – вот на Песах пришло 80 человек. Да? Это было вечером уже, поздно, или как-то днем собирались?

ПМ: Что собирались?

НЕ: Как Песах, вот, последний...?

ПМ: А.. нет, она собирает в 12 часов дня.

НЕ: В 12 часов дня.

ПМ: Потому что когда люди будут идти вечером – нет (?). 12 часам дня. Я себе соблюдала вечером, как положено.

НЕ: То есть, Вы тоже отдельно себе провели?

ПМ: Я себе.. я ж говорю, что я себе могу пригласить кого-то, там.. Кстати, я приглашала тетю Фриду тогда.. была у меня тетя Фрида, была Валя, была...

НЕ: На Песах?

ПМ: Читаем киду... это.. кадиш, так я тоже приглашаю кого-то шоб.. шоб там посидим три человека или, там, четыре, чтобы почитать кадиш.

АК: А Вы читаете на иврите?

ПМ: Я не на иврите, на русском. Ну как, ну там же перевод есть, там же есть слова на иврите, это ж так вот..

НЕ: То есть... а Вы по какому молитвеннику читаете, или...? То есть, у Вас свой да?

ПМ: Читаю, да. Они там говорят.. (неразб.) имена, там, своих, я уже. И еду, например, это вот.. на кладбище, кто меня попросит.. тоже вот..

АК: Тоже читаете там, да?

ПМ: Тоже читаю.

АК: А этот молитвенник у Вас от детей, от сына какого-нибудь, или Вы его купили сами? Молитвенник у Вас – вы сами его покупали?

ПМ: Дети, да. Достали, конечно.

АК: А в общине нельзя взять молитвенник? Там нету...?

ПМ: Не знаю, мне дети привозят, я не знаю. У меня есть.. у меня есть молитвенник, у меря есть Тора, вот.. сидур есть у меня.

АК: А там нету какой-нибудь библиотечки маленькой при общине? Не знаете?

ПМ: [отрицательно качает головой]

НЕ: Скажите, ну, а вот когда Вы еще ходили на шабаты, там, вот, на стол что-то ставили, какое-то угощение?

ПМ: Да.

НЕ: А какого плана?

ПМ: Ставят, там, печенье, ставят.. там.. ставят... бутылочка вина стоит, водичку, там, или чай, вот.. Но дело в том, что когда я.. я с ними спорила за что? Что когда, значит.. прежде всего, когда молятся, так надо на хлеб – пусть будет батон, батон купить – ну что значит на печенье ты молишься? Нельзя

[НЕ и АК хихикают].

ПМ: Еще не то, еще не то было. Там, значит, например, я.. я.. это я открыла такое дело, что.. там, значит, и справляем мы годовщину смерти этого самого, да? Это я начала, сначала я матери, потом мужа, и пошло-поехало, он пошло уже так.. годовщина.. юрцат называется. Ну, так я, значит, брала батон, разрешила, там, ну, колбасочку отдельно – то, то, то. Ну, как поло... да? Что же начали придумывать? Начали придумывать, значит, бутерброды, на них масло, или, там, маргарин, сверху колбасу... Кто молится на это? Нельзя! Я принесла тоже это все, но отдельно. И когда я думаю – так и может они.. может, я не права, я с ними спорила за это дело. Я позвонила... Миша позвонил мне, я говорю, Миша, так и так. «Мама, так же нельзя! Никогда в жизни не бери это, потому что.. это ж нельзя, это смесь уже получается. Скажи им...» Я сказала – я получила по первое число.

АК: То есть, если отдельно, то можно...?

ПМ: Они не хотят меня слушать, но я же знаю больше их – не то, что я хорошо знаю, я же действительно, у нас в Тульчине как ко мне приходят – никто этого не знают, что я знаю.

НЕ: То есть, а Вы им объяснили...?

ПМ: От детей! Учю – они мне подсказывают, они то... Боже, так я такое получила!

НЕ: То есть, Вы им объяснили, почему нельзя... бутерброды...

ПМ: Да! Я им объяснила, что это на хлеб надо, это нельзя ж на это самое... Сейчас мне Фрида говорила Печерская, шо вот, шо была на шабате. Рита поставила за.. мать.. моего брата (неразб.) Так говорит, то, то, то смешали.. Не хочу даже говорить.

АК: Ну, а разве они не учитывают то, что, вот, у Вас дети – раввины, и что, там, можно спросить, если не...?

ПМ: (неразб.) Ей же завидно этой Рите! «Что Вы знаете...?» – она уже (?) знает. Сын в церкви – вы что, шутите?

АК: Это.. как-то.. это интересно очень...

НЕ: Да.. это так...

АК: То есть, он батюшка там, с крестом...?

ПМ: Да, он идет.. один раз (? неразб.) Я пошла на базар, а есть там творог (неразб.), значит, этот творог покупаю, и вдруг меня кто-то обливает – ну, это св.. тогда было этот.. Крещение. Кто-то обливает меня – чувствую, мокрое что-то. Я оборачиваюсь – он стоит передо мной, он меня обливает! Я говорю: «Юра! Что за дела?» Такой вот крест – вот такой вот! (показывает: большой). Я говорю: «Ты шо это самое?» Он как увидел меня...

(общий смех)

АК: Так он что, стоял на базаре, всех обливал, что ли?

ПМ: Всех, все смеются (неразб., очень тихо, потом громкий смех). Не, я не говорю, это нельзя, конечно, смеяться, верить надо, девочки, верить надо, потому что есть действительно это всё, это я убеждаюсь не раз. Я вот была на лестнице, вот, и с (неразб.) белила, и чудом.. я не знаю, как я

полетела... Я полетела с этой лестницы, у меня закружилась голова, я думала – мне конец. Но бог меня спас. Я упала, и даже не ударилась. И я поняла – я ж всё, я когда иду белить, или шо – я с богом иду... делать что-то – сначала молитвочку почитаю, потом я иду шо-то делать, какую-то работу. Вот. И знаю, уже не раз убеждаюсь, что бог меня просто... держит на это самое. Я, кстати, статью написала – мне надо будет послать в газету, как мне видения были, три видения.

АК: Три видения, да?

ПМ: Три видения мне было в течение трех месяцев...

АК: Ой, а расскажите, что это за видения?

ПМ: ...а через месяц, через месяц, через месяц. Да, я написала статью.

НЕ: Так это недавно Вам было, или в детстве, или когда?

ПМ: Э... это было где-то в 60.. в 85-м году. Мы тогда приехали с севера, мы на севере всей семьёй были, приехали с севера, уже маму я не застала уже, отчим уехал в Израиль, вот.. и я, значить..

АК: А вот..

НЕ: ...очень болела. Мне там климат не пошел. Там прожила немножко, несколько лет, вот муж там покойный – 12, а я с семьёй 8 лет прожила. С детьми. Там.. сильная влажность, а у меня сердце.. порок.. ревматизм.. и торфяные.. везде торф. Но я не переносила, я задыхалась там, короче. И врачи ск.. посоветовали мужу, чтобы я срочно ехала сюда. Ну я.. значит, дети учились там, я забрала со школы, приехала сюда. И очень заболела, очень лежала, и мне вдруг видение. Первое видение, это, мне, значит, показалось, это мне буквально в секундное время, секунды.. ну вот.. э... показалась мне огромная лестница, кстати, вот теперь.. потом мне уже, смотрите, видите, да? (видимо, что-то показывает). Потом уже интересно так, это всё... (встает и уходит в другую комнату) так интересно.. я даже вырезала это.. (возвращается) Я еще тогда не.. не понимала, я еще тогда не молилась.. «Лестница Якова», да? (видимо, показывает книжку с таким названием – или рисунок).

АК: Лестница Якова?

ПМ: Да. И мне, значить, вот, показывается такая деревянная лестница на небеса. И слышу оттуда голос.. огонь, горит всё... «Ты будешь спасена». Но по-еврейски.

АК: По-еврейски, да?

ПМ: Да. «Ты будешь спасена». Один раз, другой, третий. Я просы.. не просыпаюсь, а открываю глаза, а дети уже вызвали «Скорую», а мне уже укол вводят сюда, такой.. строфантин такой, от сердца. Вот.. это было первое мое видение. Это вообще редкость, что у людей видение такое бывает.

АК: Это три раза сказал вот, голос этот, да?

ПМ: Да. А через месяц – через месяц снова у меня был сильный приступ. Уже муж был тогда – муж уже приехал. Мы тогда делали ремонт – помню, мне стало плохо, и я прилегла, говорю – я прилягу. Я закрыла глаза, и снова видения – два парня, 18-20.. красавца. Подрезанные волосы, крылья,

белые одежды, и держат большую такую.. вот такая книга большая. Позолотой вот это.. и они читать.. слева направо. И тоже по-еврейски. Тоже по-еврейски. И еще тогда не было у нас этого всего, еще не.. это потом мне уже... старый человек объяснил, что твои дети пошли по этой уже потом это самое, ты сама стала верить в это – я таки стала после этого верить! Я поняла всё. Да. И это самое...

АК: Это, вот, два юноши были как бы Ваши сыновья?

ПМ: Два парня – ну как перед глазами, честное слово! Такие вот подрезанные волосы, два красавца! В белом.. белая одежда такая.. вся такая какая-то вся собрана такая, и этот.. ниже колен, и два крыла. Это есть на свете, (неразб.) есть такое. И.. они чита.. вот такая книга, вот такая огромная – потому что я когда-то была в Риге, мы зашли в синагогу, и я помню такие книги. И это.. и он читает мне слева, значит.. точно на úврите на этом..

АК: На úврите?

ПМ: Да. И читает мне – иероглифы, я помню, как иероглифы. «Ты будешь спасена». Снова открываю глаза, снова этот же самый меня спасает. И проходит месяц, и вдруг мне показывается образ – но не Марии, а моей матери. Моей мамы. И она.. плачет, и у нее такие гла.. слезинки, как бриллиантики падают, как бриллиантки... И она мне по-еврейски говорит: «Ты будешь жить. Ты будешь, дочка, жить».

АК: А как она это говорит по-еврейски?

ПМ: Это было три сна таких, и я открыла глаза, и меня тогда спро.. и всё, с тех пор, тьфу-тьфу-тьфу, слава богу, я тогда так.. уже не.. не болела. А после этого так сильно.. ну, так бывает, побаливает, такое всё..

АК: А как она это сказала, вот, по-еврейски, Вы не помните?

ПМ: Мама?

АК: Да.

ПМ: Зир... Ди зан.. Ди зан гезинт... э...лэбн. Ты.. в общем, ди лейбн, ты будешь жить. Вот это три. Я написала, правда, статью, есть «Ваша судьба» такая у нас, там есть рубрика, так я написала статью, хочу отправить такую, шо я... и с тех пор – так и написала – что дети стали мои верить, верующие, и я стала верующей. Ну, не настолько еще верю, но чтобы.. вот тут всё кошерное у меня вот это вот всё кошерное! Всё здесь.. Дети приезжают, всё, у меня.. посуда, я имею в виду, посуда.

НЕ: А для них..

ПМ: Здесь вот приходит эта Люба, «Ой, я не пони.. це у Вас для молока, цэ для рыбы, цэ для мя...» Я говорю: «У евреев так. Всё отдельно». Я с детства привыкла к этому – вот у меня там висит, торчит – гляньте только, гляньте! Правда, у меня сейчас такое.. делается, што.. (смеется) Приезжали с Америки – у них такие глаза! Говорят.. шо-то.. шо-то я по старинке. Ну, у меня что-то пакет (?) (неразб.) переворот... потому что я.. (все встают и идут на кухню; на стене висит куча кастрюлей, отдельно для каждого типа еды)

АК: А вот разные, да? А можно мы сфотографируем их?

ПМ: Ну пожалуйста! Хотя бы.. с Америки приезжали (смеется) фотографировали..

НЕ: А, то есть, это у Вас..

ПМ: (смеется) ...я говорю, мне стыдно...

АК: И вот где у Вас для чего, вот какая посуда для мяса...?

ПМ: Ой, я себе знаю.. вот у меня для молока, а... вот для молока у меня, молочные продукты. Вот у меня, там, для мяса, там уже есть у меня такая с казанчиком, есть у меня такие специальные. Это для мяса, это для рыбы.

(фотографируем ПМ на фоне висящих кастрюль)

ПМ: Это как женщина одна зашла, говорит: «В Тульчине ты од...» а я вот так вот по старинке оставила вот это всё шоб... Потому что это большая память. Вот так у евреев было до войны и после войны.

АК: И так вот у всех висело, да, вот, по домам?

ПМ: Да, да

АК: И все знали, какая, там.. какая посуда...?

ПМ: Да, это у меня – а у детей там стоит отдельно. Там.. детей.. там даже их некошерное.. они приезжают, там всё кошерное еда, там всё это самое..

НЕ: Понятно. А вот в общине... нет кошерного?

(ПМ извиняется за беспорядок)

НЕ: То есть, у Вас у одной, вот, кошерное, да?

ПМ: Я одна соблюдаю. Никто не соблюдает. У нас никто.

НЕ: А вот когда праздники-то.. ну, я знаю.. Пейсах, например, да, надо ж пасхальную посуду. Неужели в общине не.. ну, у Вас я понимаю, я вижу, что здесь, а там? То есть, там тарелки...

ПМ: Нет, да подождите. Там, значить, одна ра... неее, в этом вот делали, в «Тульчинке», я.. я там ничего не ем. Я просто прихожу, она меня приглашает, сейчас она уже приглашать меня не будет. В «Тульчинке» там эта посуда, которая все едят.

НЕ: То есть не.. не.. обычная, вот...

ПМ: Обыкновенная!

НЕ: ...из того же самого кафе?

ПМ: ...Вы говорите? О чем Вы говорите? У меня есть даже тарелочки такие вот одноразовые, там, ну, всё такое, когда дети приво.. те... скатерть постелю, у меня специальная есть кошерная, вот, дети приедут, должны приехать, и все коше.. всё буквально у них всё тут есть.. кастрюли и у меня тут это самое... «А чё ты держишь второй холодильник?» – Я говорю: «Это у меня не холодильник, это у меня..» (смеется)

НЕ: Ну да. Понятно. А когда дети Ваши приезжают, они общаются как-то с другими? Вот, в общину, может, ходят, там..?

ПМ: Нееет.

НЕ: Это.. то есть, им...

ПМ: Они общаются, так они говорят все.. разговаривают, всё, они приезжают вс.. на кладбище, они читают кадиш, они читают молитвы на

вс.. на всё кладбище, да. Они не подходят к каждому, они сначала.. ну, к матери моей подходят, там.. у меня мама... там лежит мама, там муж у меня, там, на (?). И они читают для всех, общую молитву. Вот этот вот, да.. сколько... (звонит мобильник) Сколько их просят, чтоб они там прочитали, там кто-то умер или шо бывало, шо они приезжали. Они никогда в жизни они денег не возьмут – боже... дают им деньги – боже упаси. Боже упаси! Даже я читаю – никогда не беру ни у кого. Это нельзя даже. По закону. Это вот в церкви сейчас они стали... начали эти.. вообще неправильно они поступают. Шо берут такие деньги страшные – рассказывают. Вот они идут святить. Приходят ко мне (усмехается).

НЕ: К Вам?

ПМ: Да. Ну, они ж не знают – они идут по домам. ? идут. Приходится (?) ставить за это.. на крещение. Вот. И ко мне стучат. Я говорю: «Я не это самое.. не буду». Так они берут, вот мне говорил сосед, 20-25 гривен.

АК: Ого!

ПМ: Что они святят. Ну так же ж не положено. Вы представьте себе, что он пойдет по этим домам сколько..

АК: А Вы говорите, что Вы – еврейка, и поэтому Вы не будете крестить... дом, да?

ПМ: Да, да. Один раз был такой случай у меня.. это.. только приехали с севера тогда, а я как раз побелка была, дети что-то отошли, и муж отошел. (усмехается). А у меня был как раз.. справляли мне телевизор. И вдруг явился батюшка – слушайте, прямо зашел туда, и давай этой водой – и он мне сжег телевизор! Этот так испугался, этот.. чуть не.. он говорит, ш....?!?!

АК: Вообще, да?

ПМ: Да. У меня такой случай был. Вот один раз такое вот было.

АК: Прямо вперся в дом и начал..

ПМ: Он зашел – у меня было вот так, как теперь открыто. Детей не было – что-то они ушли куда-то, не помню, и муж куда-то отошел. А я там с этим.. он там шо-то мне справлял телевизор. Я имела телевизор! Сжег! Кто водой берет в это в горящую... он же включил это всё, проверяет.

АК: Да думать-то надо!

ПМ: Да! Я имела тот телевизор! Не пускаю, не.. я не пускаю – я ему говорю, что я не.. не православная, вот и всё.

АК: А они не пытаются Вас убедить, типа, «Приходите к нам в церковь...»?

ПМ: Оооо! Сколько раз пыталися со всех.. и католики, и.. сколько раз! (смеется)

НЕ: То есть, к Вам ходят как бы вот...

ПМ: И с... и адвенисты [так, – А.К.], как это? Седьмого дня. Да как-то субботники, и.. это самое.. тут какие-то появились как евреи.. за Христа!

АК: Евреи за Христа?

ПМ: Да. Они меня задолбали!

(НЕ и АК смеются)

ПМ: Я думаю, я.. а уже соседка моя, Наташа Шевцова, говорит: «Давай, пойдем, посмотрим, шо там!» Она так и осталась там. Осталась Наташа. Я говорю: «Как тебе не стыдно, ты ж православная, ты ж.. чё ты?» А я пошла хоть раз посмотреть. Все парни еврейские. Все носят эти вот самые [имеет в виду кипу, – А.К.]. И знамя.. это ж.. маген Дувид этот на знамени, и что-то они начинают читать про Христа. Я говорю: «Я не поняла. Я шо-то не поняла..» Танцуют и поют, это всё.. Это я была единственный раз, потом меня просил этот.. мы с ним.. батюшка, там шо-то такое. Взяли у меня песни, на то, чтобы... «Субботние свечи» им очень понравилось, они забрали у меня эту песню. И просили мне, и звонили мне уже.. и – всё, говорю, всё.

НЕ: Скажите, а давно появились вот эти вот.. «Евреи за Христа»?

ПМ: А.. ну, это.. у нас, в Тульчине.. я знаю? Лет 6, наверное.

НЕ: Лет 6 уже? А кто-то из евреев ходит к ним?

ПМ: Ходили, а сейчас не. Все отказа.. Я говорю, шо: «Куда вы идете?» Не-не. Меня тут многие слушают, меня.. хорошо.. нравится, шо меня многие слушают.

АК: А что это за странная такая.. вот, «Евреи за Христа?» Это вот.. во что они как бы верят?

ПМ: Я там знаю! Это либерда! Это получается шо-то.. тут они про евреев говорят, тут они говорят про.. про... хрест. Я не.. пойму там. Не пойму. Но это ходят – одна у меня знакомая, она ходит.

НЕ: Что они здесь вот.. что у них там?

ПМ: Украинцы, русские ходят, да..

НЕ: Община? Синагога? Или церковь – что у них там?

ПМ: Э.. они ж сюда приезжают каждый раз, я не зн.. да! Есть! Да! Они в доме культуры собираются. На втором этаже – там есть такая лекторий у нас, и там.. туда приезжают это самое, да..

АК: И много людей к ним ходит?

НЕ: Ну, вот Вы когда были, примерно, сколько было человек?

ПМ: Ну, я тогда была, так, может, человек 40-50 было. Сейчас я не знаю. Это тогда еще в те годы – думаю, пойду, посмотрю, шо там.. просто посмотреть, шо из себя представляет !

АК: Ну да, интересно.

ПМ: Потому что мне было интересно – я зашла, я в Печоре была, и там Потоцкого же дворец, и там же есть эта.. его... костёл. Это же я там была в санатории, и мне просто интересно было тоже посмотреть, как.. правят, это вот.. поляки, вот, я увидела – мне очень понравилось, между прочим, там. Сидят все, как у евреев, они сидят все. Очень дружно – не так, как в церкви. В церкви.. не то. Я была в церкви тоже. Но это самое – но там мне понравилось. А «Седьмого дня» они собираются, там тоже есть дом такой молельный..

АК: А где он?

ПМ: М.. где-то возле става, я даже не знаю, возле пляжа. Не могу сказать. Не знаю, где. Там у меня много знакомых есть, тоже субботники. Но они верят так как почти что евреи.

АК: Дааа?

ПМ: Да.

АК: Адвентисты? А вот что они..

ПМ: Адвентисты седьмого дня. Субботники. Они верят в субботу. Ну.. почти што как евреи. Только тоже крест у них.

АК: Крест? Крест и евреи?

ПМ: Угу.

АК: А кто ближе к евреям – вот эти адвентисты, или...

ПМ: Адвентисты, субботники.

АК: Субботники.. или «Евреи за Христа» которые?

ПМ: Не, субботники. Ну, «Евреи..» я ж говорю, те, шо они одевают эти вот всё, и.. поют еврейские песни. Я даже не могу понять – мне не понравилась эта либерда. На.. смешать всё это вот самое, не знаю, можно ли так, я не в курсе. Это уже получается какая-то вот.. отклонение, мне кажется. Что прогрессивный иудаизм, что это всё уже.. как ветви, как в христианстве есть разные.. разные ветви, есть баптисты, есть субботники, есть там... да? Та же самая здесь. Я считаю так..

АК: То есть, вот эти обе, они ближе как бы к христианству, да, все-таки получается?

ПМ: Да.

АК: А посылки там у них не раздают? Вот.. все-таки там же ев...

ПМ: У субботников?

АК: Да.

ПМ: А, не.. у них своя община, да, они получают с это.. с Канады.

АК: Тоже получают?

ПМ: Да, у них своя, да..

АК: Именно как вот.. потому, что они близки к еврейской религии?

ПМ: Нет, евреи сюда ни при чем! Это они.. у них своя эта.. сюда ни при чем.

АК: А «Евреи за Христа» чего-нибудь раздают, получают?

ПМ: Шо-шо евреи?

АК: «Евреи за Христа» вот эти – у них там тоже какая-то вот такая система распределения чего-нибудь есть

ПМ: Ой, не знаю... не знаю.

АК: Не знаете? Ну, просто интересно, вот что за..

ПМ: Ну, это узнавайте, я не в курсе. Это уже в Бердичеве, говорят, там.. там где-то.. это они оттуда приезжают. Это я уже не скажу вам.

АК: А они не пытались как-то вот, с Ритой Генеховной, там, завязать контакты, вот эти люди?

ПМ: (качает головой отрицательно)

АК: Тоже не знаете, да?

ПМ: Мне об этом не говорили..

АК: Ну, вдруг, мало ли, там, как-то обмолвилась...

ПМ: Не знаю... не зн.. может быть. Может быть, пытались, не знаю. Не могу сказать. Рита Генеховна больше.. лучше относится к православным, чем к евреям.

АК: Да!?!?

ПМ: Потому что сын у нее православный...

АК: А, ну да...

АК: А вот я где-то читала, что, вот, раньше это стыдно считалось для еврейской семьи, если, вот, крестился кто-то.. выкрестился.

ПМ: А его не признавали. Так же само было и у православных. Так же само. Если он взял (?) евреев, он уже всё. Это было.. но это было до революции, это.. это.. потом уже изменилось всё конечно...

АК: А вот многие члены общины..

ПМ: У меня Миши же.. чистокровная украинка она, Миши жена. Она же чистокровная украинка. Но она взяла веру еврейскую.

АК: Она стала еврейкой, да?

ПМ: Да, она гиюр.. она очень способная. Она лучше может приготовить или сделать как.. действительно еврейка. Она соблюдает очень, она учится в Соломоновом (?) университете, она уже закончила, кстати, она учится сейчас уже дальше, шо-то выше, сейчас она на сессии там. Вот. И она очень соблюдающая. Ну, у нее там русские, украинцы, потому что она потомок Пушкина.

АК: Ух ты!

ПМ: Да. Ее бабушка была потомок Пушкина.

АК: А вот в общине многие знают, что у Риты Генеховны сын.. священник?

ПМ: (смеется) у нас уже.. не то, что в общине, а вся винницкая область знает!

АК: А, вся винницкая область знает!

ПМ: И то, что уже в Киев.. знают тоже все в Киеве! И Джойнт знает, и это.. и Левитас знает, и Рабинович знает! Такое.. Америка, ни Израиль не знают, если кто приезжает, не знает, все.. Но это у нее – а если у меня шо-то не так, так она тут же меня находит. Тут же... Не знают! Все знают! Она не имеет права быть председателем общины, поскольку он.. ну...

НЕ: Из-за сына, или еще из-за чего-то?

ПМ: Сын уже всё.. они ж пошли, это ж нельзя.. И сколько раз она стоит возле церкви и поджидает его, чтоб вы видели!

АК: Да? Ой...

ПМ: Это ужасно некрасиво, некрасиво.

АК: Но он не с ними живет, да?

ПМ: Нее, у них отдельная квартира у них. Вот. Даже украинцы (?) не нравятся, мне звонят, говорят, что это все-таки же мои родичи, мне говорят: «Ну как это? Шо, не могли твои дети шо-то на него подействовать?»

АК: А вот когда Ваши сыновья приезжают к Вам, Вы никогда не пробовали их в общину привести, чтоб они посмотрели...?

ПМ: Оно им надо это община приве... ?

АК: Ну, может быть..

ПМ: Оййй!

АК: Никогда не ходили?

ПМ: При Бартике они ходили, при ней они не ходили. Они шо, не знают Риту? С детства они ее знают.

АК: Ну, понятно..

ПМ: У нее заскоки бывают (смеется) такие, шо вообще... как.. вот я получила письмо, кстати, с Америки, Поля Шанина (?) написала – ну, она когда-то жила у меня соседка, она в Америке, он учитель, а она медсестра, работала с ней, с Ритой. Так она мне пишет – вот, если не верите, сейчас покажу – «Как там бешеная Рита?» (общий смех) (уходит в другую комнату за письмом). Там в письме про.. американцев, про (?), наших людей. И вот она мне пишет интересно (смеется) вот.. то есть, она спрашивает, там, про всех, во! «Как там бешеная Риточка?» (смеется).

АК: Да. «Как там бешеная Риточка, вместе с Соней?» Да..

ПМ: Не то слово.. Она же ее знает по работе. Она сирота, правда. Вот. Она воспитывалась как.. вот я ей всё время говорила одно: «Рита, ну вот почему ты так относишься к нам?» После гибели отца и матери.. еврейская община здесь в Тульчине ее спасла. Она у нас находилась, например, месяц, она пошла – у других евреев находилась ме.. мы все ее поддерживали. Она таки поступила учиться. А потом, когда уже мой плем.. мой брат двоюродный уже с ней уже это самое.. начал дружить, так мама их забрала ко мне.. к нам. Они у нас тут жили.

АК: А, у вас даже жили, да?

ПМ: Брат у меня жил.. несколько лет. Потому что он сам горишковский – с Горишковки. А он пошел на обувную работать, здесь уже.. Это за всё хоро.. это все евреи говорят: «Это за всё хорошее она тебя так ненавидит». Не могу понять, какая причина. Я ей задаю вопрос – и она уклоняется от этого вопроса. И мне говорят просто то, что она тебе завидует. Всё.. Она бы меня уничтожила, но просто то, что Левитас сильно за мной стоит. И он звонил к ней, говорил, чтобы она меня в покое оставила.

АК: Вот так даже, да?

ПМ: Ну вот, после всего она мне устроила 9-е мая. Вы не можете себе, девочки, это представить. Я очень порядочный человек. И для меня это был такой удар, что я никогда не забуду – даже если она захочет.. милиция, не знаю. Вообще у евреев.. мирятся. Я ей простила всё, я в ду.. так.. молюсь и прощаю. И молюсь за нее, шоб она была здорова. Но.. так обидеть человека! За то, что я помогла людям, спас.. это самое. Вот вы как-то затроньте вопрос так у евреев – почему не затро.. как-то – «Полина Яковлевна, вы ее знаете, дак вот..»

АК: Хорошо.

ПМ: Интересно, что они скажут? У меня есть, конечно, друзья, есть враги, но я думаю, что с евреев никто сейчас про меня плохого не скажет ничего. Это.. вы еще (?) куда должны идти? К кому?

АК: Ну, мы посмотрим сейчас..

ПМ: Не, вообще, куда, к кому вы еще должны идти? Есть Геккер Мусик еще..

(о том, сколько нас приехало, к кому уже ходили и к кому надо пойти – может быть, к Бэте Лейбовне Панкиной)

ПМ: ...Ну, Бэтя.. зайдете, там.. шо она может вам рассказать кое-что тоже.. 80 лет – она ж тоже что-то знает. Она много чего знает про Тульчин. Я ее спра.. говорю: «Дайте мне.. рассказывайте мне, я буду записывать!» – «Нет, нейн! Нейн!» – Я говорю: «Тетя Бэтя, шо это самое? Выросли ж вместе, уже с Аней-то..» [Аня – дочь тети Бэти, – А.К.] – «Нейн! А.. не.. сам не.. у меня голова болит, всё». Она такая с юмором, с юмором.

АК: О, да.

(благодарим, делаем комплименты – хорошо пишет и говорит)

ПМ: Что я могу? Если б я училась бы.. у меня в жизни так сложилось, шо..

АК: Ну, вот, значит, у Вас дано так, что, вот, Вы так говорите хорошо, вот, пишете.. .

ПМ: Как она говорит: «За ратом (?) добрый, и цэ ось самый...» и мне еще: «Была бы ты председателем общины.. все бы.. у нас благодаря (?)»

АК: Ну, а Вы бы согласились, если бы Вам предложили?

ПМ: Раньше, когда делали эти собрания.. ну сейчас бы, если НАДО.. надо было бы – ради людей я пойду на всё. Если бы на..

АК: А Соня.. Софью Иосифовну Вы бы оставили в качестве раввина? Раввинши.. если бы Вы были председателем?

ПМ: Боже упаси! Мой Миша, кстати.. мы уже говорили с историком, и Миша мне звонил, что он бы здесь бы сделал бы...

АК: Кого-нибудь послал бы, да?

ПМ: Хотел.. он даже не то, чтобы послал, он говорит, я сам бы даже приехал бы сюда.

АК: А, вот так, да?

ПМ: Или кого-то бы послал – так, как положено. Потому что это, говорит, убивает людей.

АК: А там еще Лилия Исааковна такая есть.

ПМ: Шайба. Господи...!

АК: Шайба?!?

ПМ: Она с села. Она шо-то видела? Она только по-украёнки [так!] говорит, она там.. Она стала вдруг это вот самое... мы ж хотели сделать синагогу фактически, и эти мои люди, еще тогда, в то время, когда это вот, собиралась Соня, а там, где этот вот... Аркадий Евсеевич, в Сохнуте, да? Вот этот дом, да? Вы обратили внимание – там.. это синагога. Это синагога ст.. Это.. хозяин этот имел свою синагогу. Домашнюю.

АК: Это, вот, рядом с гостиницей?

ПМ: И мы добивались.. да, угу... рядом с гостиницей – вот вы обратите внимание.

АК: Да-да, красивый такой особнячок там.

ПМ: Да. И вот я и еще там одна женщина покойная уже, еще есть Бекерман, он тоже уже умер, и мы ездили в Винницу, мы добивались сделать синагогу.. так, как положено. Потому что..

АК: И что?

ПМ: И тут мы видим, Риточка с Сонечкой там, и они – трах, бах, Рита имеет какой-то рук (? неразб.). Пока мы приехали, начали шо-то делать, всё, она.. прогрессивная.

АК: А Вы хотели как – не прогрессивную?

ПМ: Мы хотели.. а как? Такую, как положено! Чтоб хотя бы и раз в неделю, но приезжал раввин с Винницы. Эти люди.. говорит: «Мама соберутся 10 человек, на.. это вот самое.. если, например, будут читать, ну, доп.. да.. Так.. это вот самое – я так перезвонила Коле, тому – «Так с удовольствием, пускай они шо-то сделают, твой Миша... Я говорю: «Так будет же на ножах с Ритой! Ну зачем это надо? Она ж не подпускает никого!» Этот историк плакал прямо. Он мне рассказывал, Святелик. Сильнейший историк.

АК: А, Святелик!

ПМ: Да. Он рассказывал мне, как она поступила с ним грубо. Он там ищет, он там находит, он там то, он там то, и она так к нему относится.

АК: А если бы нормально.. не прогрессивное было, то отдали бы вот этот особнячок вам, да, получается? Вот который рядом с..

ПМ: Да! Мы ж добивались этого здания, да. Да, мы добивались.

АК: И вы почти его получили?

ПМ: Мы были там, в Виннице, и в архивах нашли всё, добивались, шо это таки дом еврея, шо это таки всё... да..

АК: Там была синагога, Вы говорите, раньше?

ПМ: Вы обратите внимание! Нет, там не была синагога, это был дом.. богача. А там с.. крыло, вы обратите внимание – такое полукруглое. Это была.. это у него синагога. Вы даже можете зайти к Аркадию Евсеевичу, он вам то же скажет.

АК: Это домашняя как бы такая была?

ПМ: Домашняя синагога. Да. Вы обратите внимание.

АК: А вот еще нам рассказывали, что здесь, вот, построенная какая-то была синагога, вот именно как синагога где-то.

ПМ: Э.. здесь много было синагог. Здесь за церковью стояла синагога, ее разрушили. Большая синагога была очень красивая – кстати, я писала про это. Приезжал Пушкин сюда, он был в восторге от этой синагоги, приезжал он к этому.. Потоцкому, к этим.. да. И он, и Баратынский, они приезжали, они были в восторге от этой красоты. Фасад был очень красивый.. очень красивый – большая синагога, это она была там ниже... как вам сказать? В общем.. и было целое... Щилгос (так, с «щ»!) называли, Щилгос – это,

значить.. там было разных-разных много.. как мастерская – так своя синагога.

АК: Профессиональные, да, такие?

ПМ: Да. А в этом доме, кстати, внизу – там погреб. Я помню эти погреба – большие погреба. И там все евреи.. в одном погребе там были еврей-жестянщики, в другом погребе там были бондари, как теперь помню. После даже войны я помню.

АК: В подвалах? Они молились..?

ПМ: Не-не-не (усмехается)

АК: А что они там делали?

ПМ: Это, значить, как вас сказать? Это.. они делали бочки изготовляли. А другой, там, значит, жестянщики, они там делали с жести вот эти рымбочки (?), вот это.. такое там всё.

АК: Интересно – а вот какая-то синагога была, которую совсем недавно разрушили, там, в начале..

ПМ: Возле нас. Ой, так мне жалко!

АК: А кто это?

ПМ: Вы представляете, они взрывали ее!

АК: Кто «они»-то?

ПМ: Ну.. советская власть! Они взрывали ее. Это уже до.. перестройки.

АК: Так она уже совсем разрушалась?

ПМ: Наши евреи – я хотела тогда собрать людей, а так я.. хотела собрать людей шоб не допустить до этого. Но.. не с кем говорить (тихо, неразб.)

АК: Не собрали, да?

ПМ: Не понятно, не понятно..

АК: Так она уже разрушалась, или она еще крепкая была?

ПМ: Ой! (гудит умирающий диктофон) Как взрывали ее! Вы представля.. там кирпичи были, шо не разбить их ничем!

АК: Господи! А зачем же ее взрывали?

(диктофон умер; см. продолжение Tul_06_07_2)

Tul_06_07_2

10.07.2006. Тульчин.

Инф.: Полина Яковлевна Мураховская, 1943 г.р., Печоры. (ПМ)

Соб.: Н. Евсеенко (НЕ), А. Кушкова (АК)

(время звучания: 5 мин.)

(продолжение Tul_06_07_1)

АК: ...Кому она мешала-то?

ПМ: Вот построили – видели шо?

АК: Нет.

ПМ: Вот, вы сейчас пройдете туда, посмотрите, шо там делается.

АК: А что там построили?

ПМ: Здание, где идут, извините, какать-писать, и наркоманы. Такое здание там. Разрушенное. Полуразрушенное.. Взяли, вместо.. А там никогда ничего не будет, там хорошего не будет никогда. Потому что нельзя на этом месте, святом месте – там столько было книг, там столько всего было,

АК: А книги куда делись?

ПМ: Позабирали, покрадали, теперь продают их...

АК: Так в этом здании ничего нету сейчас?

ПМ: Какое здание шо-то есть? Там же ж говорю, идите, пройдете, там.. на это место построили кирпичное здание. И оно.. разрушенное. И оно.. я ж говорю, шо там сделали сейчас туалет, извините за выражение. Там никогда ничего не будет. Такая красивая была синагога!

АК: А вы пытались..

ПМ: Еще дети мои помнят! Дети еще мои помнят!

АК: А Вы пытались как-то, вот, собрать народ, чтобы, там, не знаю, отстоять это здание – или нет?

ПМ: Я пыталась! Ну так шо? Кто? Ну, тогда еще общины не было.

АК: Ага, еще не было тогда, да?

ПМ: Нет, нет. Время такое.. уже до перестройки. Такое вот шо-то.. да.. мне так было.. так обидно мне до сих пор. Вот, такая длинная, большая такая, сверху очень красиво было сделано...

АК: А у Вас не осталось фотографии, может быть?

ПМ: Нет... это разве что в музее. В музее, естественно, будет, кстати.

АК: Может быть там, да?

ПМ: Да, фотографии, можно перефотографировать.. попросить и дать им, чтоб дали... В музее есть, кстати, да.

(начинаем прощаться)

(далее – разговор на улице, ПМ нас провожает)

ПМ: Навесик, да? А по-еврейски это пэдашек.

АК: Пэдашек?

ПМ: Пэдашек, да. По-еврейски так. Вот откуда у евреев такое бы... тут уже тоже, тут уже просто переделали, тут тоже такой.. вот рядом те все дома.. а здесь был магазин. В нашем доме был магазин. В нашем.. тоже были погреба здесь.. вот здесь два погреба, чтоб вы видели, какие эти погреба, с такие.. старинные булыжниками. И это са.. вот здесь были бондари, а там были жестянщики.

АК: А! Это вот именно здесь были, да? Бондари и же.. работали там, да?

ПМ: Да, да. Да. Это мастерские такие были. Помню после войны сколько..

АК: И вход был как бы через... с улицы прямо туда они входили?

ПМ: Да, сюда входили, там была лестница, и там это самое.. там огромный, на весь дом – понимаете? Это старинное шо-то тоже (неарзб.) погреб.. А здесь вот у нас был магазин, еврейка держала этот магазин. А это – не жилье (?), там двухэтажное здание, там, видите, такой двор, это заезжий..

АК: Это вот дальше там, да?

ПМ: Да.

АК: А, ну вот, мы сейчас посмотрим, пойдем.

ПМ: Вот там заезжий двор... а вы идите как в сторону автобуса, и с правой стороны, там еще есть еврейский дом тоже. Без пэдашека.. тоже сохранился.. то, шо уже... там..

АК: А вообще, вот, еврейские дома по архитектуре чем-то отличались от украинских?

ПМ: Да. Вот отличались вот этим пэдашеком.

АК: Пэдашеком, да? Это всегда было в еврейских домах?

ПМ: Это во всех еврейских домах были..

АК: А что там на этом пэдашеке делали?

ПМ: Это просто как бы.. не считается... просто сидели, там, вечером, там, да...

АК: То есть, там скамеечки стояли?

ПМ: Да, да, да, да.

АК: А вот нам еще рассказывали, что еврейские дома обычно вытянутые такие были как бы.

ПМ: Ну, это я не знаю.. но еврейские дома были очень рядом друг к другу. Вот. Вот даже зайдете в музей, и там есть еще.. там сейчас «Огонек», сейчас вот это всё.. ? здания, где эти все... «Дом быта», то там ряд так постоянных еврейских домов – так даже есть фотография тогда. Так они были очень близко друг к другу.

АК: А чем это объяснялось? Почему?

ПМ: Ну, евреи раньше так.. жили. Скуч.. скупченно раньше так жили... В основном евреи жили – там есть Капцанивка, значит, такое..

АК: А вот где Капцанивка? Нам про нее рассказывали, а где она начиналась?

ПМ: Это уже старые.. вот это.. Бэтя была там, это она может сказать уже. Ну.. мне мама показывала покойная, но это ж... целый.. целый огромная площадь. Огромная.

АК: А какие это улицы сейчас?

ПМ: Там сейчас.. я даже не скажу вам. Даже не могу сказать.. называются сейчас все эти улицы.. И тянутся до еврейского кладбища.

АК: До еврейского кладбища тянутся, да?

ПМ: В основном, здесь тоже жили все евреи. А украинцы жили по.. там уже за мостом, там уже там это да.. Но уже не... Потом... эти украинцы, которые даже жили здесь, они уже знали еврейский язык, они уже по-еврейски говорили, они уже.. и жили дружно. Жили дружно. Сейчас удивляются украинцы идее.. община.. евреи же вообще очень дружный народ. Это впервые столкнуться в таком, как Рита – шо она мне сделала! Украинцы в ужасе. Это вообще ужас. Даже в Винницу я приезжаю, расск.. они просто в ужасе, даже в Киеве.. ну..

(фотографируемся)

(конец записи).